

НОВЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Ежеквартальный научно-правовой журнал

№ 2
(апрель-июнь)
2024 г.

Учредитель и издатель:
Грудцына Людмила Юрьевна
Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Основан в 2023 году
Выходит ежеквартально
ISSN 3034-4395 (online)

Журнал зарегистрирован в
Федеральной службе по надзору в сфере
связи, информационных технологий и
массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации СМИ
Эл № ФС 77-85528 от 04.07.2023 г.

Журнал включен в Российский
Индекс научного цитирования (РИНЦ) и
зарегистрирован в Научной электронной
библиотеке eLIBRARY.RU

© ООО «ЮРКОМПАНИ», 2024

НОВЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Ежеквартальный
научно-правовой
журнал

Ежеквартальный научно-правовой РИНЦ-журнал, посвященный теоретическим и практическим вопросам конституционного (государственного права), теории и истории права и государства, вопросам теоретико-правового изучения институтов гражданского общества, конституционному развитию государства и общества, методологии правотворчества и правоприменения, а также актуальным вопросам государственно-правовых наук.

Председатель редакционного совета:

Эриашвили Н.Д.

Главный редактор:

Сангаджиев Б.В.

Заместитель главного редактора:

Шайхуллин М.С.

Литературный редактор:

Медведева Е.А.

Корректор:

Дребезгова Ю.Д.

Компьютерная верстка:

Ерошина Е.А.

Дизайн обложки:

Ерцев Р.А.

Главный бухгалтер:

Антипова Е.А.

Адрес редакции:

121596, г. Москва, ул. Горбунова,
д. 2, стр. 3. Офис В 218. Этаж 2.
Бизнес-центр «Гранд Сетунь Плаза».
м. Сетунь. м. Молодежная.

Тел.: 8-800-700-45-88 (по России)

WhatsApp: 8-900-155-56-05

Сайт журнала: <https://new-law.ru>

E-mail: info@law-books.ru

При использовании опубликованных материалов ссылка на «новый юридический журнал» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах.

Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование, после которого Редакционная коллегия принимает решение о принятии рукописи или ее отклонении. Автор рукописи извещается о принятом решении. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: **Н.Д. Эриашвили** – доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Института государственного управления и права Государственного университета управления.

Ж.А. Бокоев - кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Совета по судебной реформе при президенте Кыргызской Республики.

А.П. Галоганов – доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов.

С.Д. Каракозов - доктор педагогических наук, профессор, проректор, директор Института математики и информатики Московского педагогического государственного университета.

В.В. Комарова – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Г.Б. Мирзоев – доктор юридических наук, профессор, президент Гильдии российских адвокатов, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, академик РАЕН, Почетный доктор Бриджпортского Университета (США), Почётный доктор философии университета «EuroSwiss».

Р.М. Мырзалимов - доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, член Редакционного совета Вестника Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики.

К.Х. Рахимбердин - доктор юридических наук, председатель правления Палаты юридических консультантов Восточно-Казахстанской области, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса ВКГУ им. С. Аманжолова, обладатель звания «Лучший преподаватель вуза» Министерства образования и науки Республики Казахстан (2007 г., 2013 г.).

EDITORIAL COUNCIL:

Chairman: **N.D. Eriashvili** — Doctor of Economics, Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Entrepreneurial and Labor Law of the Institute of Public Administration and Law of the State University of Management

A. Bokoev - Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University, Member of the Council on Judicial Reform under the President of the Kyrgyz Republic

P. Galoganov - Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers.

D. Karakozov - Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice-Rector, Director of the Institute of Mathematics and Informatics of Moscow Pedagogical State University.

V. Komarova - a doctor of jurisprudence, professor managing department of the constitutional and municipal right of the Russian Federation of the Moscow state legal university of O.E. Kutafin (MGYuA).

M. Myrzalimov - Doctor of Law, Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University, Member of the Editorial Council of the Bulletin of the Constitutional Chamber of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic.

Kh. Rakhimberdin - Doctor of Law, Chairman of the Board of the Chamber of Legal Advisors of the East Kazakhstan Region, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure, VKSU named after S. Amanzholova, holder of the title «Best University Teacher» of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (2007, 2013).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: **Б.В. Сангаджиев**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Заместитель главного редактора: **М.С. Шайхуллин**, доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права

Специальность: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

О.Н. Булаков – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Российского государственного гуманитарного Университета

Л.Ю. Грудцына – доктор юридических наук, профессор, профессор ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Почетный адвокат России, эксперт РАН

Б.В. Сангаджиев – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Л.А. Тхабисимова – доктор юридических наук, профессор, директор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Юридического института Пятигорского государственного университета, директор Северо-Кавказского центра избирательного права и процесса, руководитель Северо-Кавказского научно-образовательного центра политико-правовых проблем, Академик АМАН, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, Заслуженный юрист Республики Адыгея.

М.С. Шайхуллин – доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права.

Специальность: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

А.В. Барков - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, Заслуженный юрист России.

Л.В. Андреева - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права МГЮА имени О.Е. Кутафина, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

В.Е. Белов - доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики отделения «Высшая школа правоведения» Института государственной службы и управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

С.А. Иванова - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».

Д.П. Стригунова - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного и интеграционного права Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

EDITORIAL BOARD:

Editor-in-chief: **B.V. Sangadzhiev**, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia)»

Deputy Editor-in-Chief: **M.S. Shaikhullin**, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Law Problems

Specialty: 5.1.2. Public law (state legal) sciences.

O.N. Bulakov - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law, Russian State University for the Humanities

L.Yu. Grudtsyna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian State Academy of Intellectual Property», Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia)», Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences

B.V. Sangadzhiev - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

L.A. Tkhabisimova - Doctor of Law, Professor, Director, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Law Institute of Pyatigorsk State University, Director of the North Caucasus Voter Center for Electoral Law and Process, Head of the North Caucasus Scientific and Educational Center for Political Legal Problems, Academician of the AMAN, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Adygea.

M.S. Shaikhullin - Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Law Problems.

Specialty: 5.1.3. Private law (civil) sciences.

A.V. Barkov - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Saratov State Law Academy, Honored Lawyer of Russia.

L.V. Andreeva - Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Business and Corporate Law, Moscow State Law Academy named after O.E. Kutafina, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

V.E. Belov - Doctor of Law, Associate Professor, Associate Professor, Department of Legal Support of Market Economics, Higher School of Law, Institute of Public Administration and Management, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation».

S.A. Ivanova - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education «Financial University under the Government of the Russian Federation».

D.P. Strigunova - Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of International and Integration Law, Institute of Law and National Security, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation».

РУБРИКИ ЖУРНАЛА

- ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
- ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО
- КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО
- ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА
- ТЕОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА
- ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ
- ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО
- ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ПРАВО
- ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
- ПРАВО И ЭКОНОМИКА
- ПОЛИТИКА И ПРАВО
- ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА
- ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА
- АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО
- УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС
- ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРАВА
- ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
- ПРИМЕНЕНИЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
- ПРАВОВАЯ РЕФОРМА
- ЮРИДИЧЕСКИЙ АРХИВ

JOURNAL CATEGORIES

- THEORY OF STATE AND LAW
- HUMAN RIGHTS AND CIVIL SOCIETY
- CONSTITUTIONAL (STATE) LAW
- CONSTITUTIONAL LAW ISSUES
- CIVIL LAW THEORY
- CONTROL THEORY
- CIVIL AND BUSINESS LAW
- BINDING LAW
- INTELLECTUAL PROPERTY LAW
- LAW AND ECONOMICS
- POLITICS AND LAW
- JUSTICE AND JURISPRUDENCE
- CIVIL LAW ISSUES
- ADMINISTRATIVE LAW
- CRIMINAL LAW AND PROCEDURE
- DIGITALIZATION OF LAW
- PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION
- APPLICATION OF RUSSIAN LEGISLATION
- LEGAL REFORM
- LEGAL ARCHIVE

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Кутяхов О.Е. * Цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права: согласование специальных режимов с положениями Гражданского кодекса РФ 10

Грудцына Л.Ю. * Оборот и защита цифровых прав: передача, залог, наследование и обращение взыскания в механизме Гражданского кодекса РФ 18

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Иванова С.А. * Свобода завещания и право на обязательную долю: поиск баланса частной автономии и семейной солидарности 26

Эриашвили Н.Д. * Совместное завещание супругов в системе распоряжений на случай смерти: правовая природа и пределы автономии 36

ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Лутовинова Н.В. * Договор доверительного управления исключительными правами 46

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Кононов Д.А. * Гражданско-правовой статус оператора посреднической цифровой платформы: распределение рисков и ответственность 51

Сангаджиев Б.В. * Преддоговорная ответственность в российском гражданском праве: стандарт добросовестности и защита переговорного доверия 60

CONTENT:

HUMAN RIGHTS

Kutyakhov O.E. * Digital financial assets and utility digital rights: harmonizing special legal regimes with the Civil Code of the Russian Federation	10
Grudtsyna L.Yu. * Turnover and protection of digital rights: transfer, pledge, inheritance and enforcement under the Civil Code of the Russian Federation	18

CIVIL AND BUSINESS LAW

Ivanova S.A. * Testamentary freedom and the forced share: balancing private autonomy and family solidarity	26
Eriashvili N.D. * Joint wills of spouses in the system of mortis causa dispositions: legal nature and limits of autonomy	36

INTELLECTUAL PROPERTY LAW

Lutovinova N.V. * The contract of trust management of exclusive rights	46
--	----

PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION

Kononov D.A. * Civil-law status of an intermediary digital platform operator: risk allocation and liability	51
Sangadzhiev B.V. * Pre-contractual liability in Russian Civil law: good-faith standard and protection of negotiation reliance	60

КУТЯХОВ Олег Евгеньевич,
аспирант, Аккредитованное образовательное
частное учреждение высшего образования
«Московский финансово-юридический университет МФЮА»,
факультет «Публично-правовые (государственно-правовые науки)»,
юрист МГКА «Московская гильдия адвокатов и юристов»,
Москва, Россия,
e-mail: olegomb@mail.ru

ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСОВЫЕ АКТИВЫ И УТИЛИТАРНЫЕ ЦИФРОВЫЕ ПРАВА: СОГЛАСОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ РЕЖИМОВ С ПОЛОЖЕНИЯМИ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РФ

Аннотация. Статья посвящена сравнительному исследованию цифровых финансовых активов и утилитарных цифровых прав как основных видов цифровых прав, предусмотренных российским законодательством. Анализируются их содержание, порядок возникновения и обращения, состав участников информационных систем, ограничения использования и способы защиты. Выявляется фрагментарность регулирования: сходные по гражданско-правовой природе отношения регулируются двумя федеральными законами, использующими различную терминологию, инфраструктуру и механизмы допуска. Особое внимание уделено цифровым свидетельствам, гибридным цифровым правам, иностранным цифровым правам и использованию цифровых финансовых активов во внешнеторговых расчетах. Обосновывается необходимость разграничивать содержание удостоверенного имущественного права и инфраструктурную форму его учета. Предлагается закрепить в ГК РФ общие правила о выпуске, переходе, обременении, погашении и защите всех цифровых прав, а в специальных законах сохранить регуляторные требования к отдельным рынкам. Сформулирована концепция единого гражданско-правового ядра цифровых прав.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, утилитарные цифровые права, гибридные цифровые права, цифровое свидетельство, инвестиционная платформа, информационная система, иностранные цифровые права, ГК РФ.

KUTYAKHOV Oleg Evgenievich,
Postgraduate Student, Accredited Educational
Private Institution of Higher Education
"Moscow Financial and Law University MFUA,"
Faculty of Public Law (State and Legal Sciences),
Lawyer, Moscow City Bar Association "Moscow Guild of Advocates and Lawyers,"
Moscow, Russia

DIGITAL FINANCIAL ASSETS AND UTILITY DIGITAL RIGHTS: HARMONIZING SPECIAL LEGAL REGIMES WITH THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article provides a comparative analysis of digital financial assets and utility digital rights as the principal types of digital rights recognized by Russian law. It examines their

content, issuance and turnover; the participants of information systems, applicable restrictions, and remedies. The study identifies regulatory fragmentation: relationships with similar civil-law characteristics are governed by two federal laws that use different terminology, infrastructures, and access mechanisms. Particular attention is paid to digital certificates, hybrid digital rights, foreign digital rights, and the use of digital financial assets in foreign-trade settlements. The author argues that the content of the underlying proprietary right should be distinguished from the infrastructure used to record it. It is proposed that the Civil Code contain common rules on issuance, transfer, encumbrance, redemption, and protection of all digital rights, while special legislation should retain market-specific regulatory requirements. The article develops the concept of a unified civil-law core for digital rights.

Key words: *digital financial assets, utility digital rights, hybrid digital rights, digital certificate, investment platform, information system, foreign digital rights, Civil Code.*

Введение

Российская модель цифровых прав сформировалась как сочетание общего определения в статье 141.1 ГК РФ и специальных режимов, закрепленных в двух федеральных законах № 259-ФЗ. Закон от 2 августа 2019 г. регулирует утилитарные цифровые права в инвестиционных платформах, а Закон от 31 июля 2020 г. — цифровые финансовые активы и цифровую валюту [3; 4]. Совпадение номеров законов при различии предмета регулирования символично отражает сложность и фрагментарность нормативного массива.

Оба вида объектов признаются цифровыми правами, однако имеют неодинаковое экономическое назначение. Цифровые финансовые активы преимущественно используются для привлечения финансирования и удостоверяют денежные требования, права по эмиссионным ценным бумагам, участие в капитале непубличного акционерного общества либо право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг. Утилитарные цифровые права обеспечивают притязание на вещь, результат работы, услугу или использование результата интеллектуальной деятельности [3; 4].

Различия содержания оправдывают специальные требования, но не объясняют расхождения в базовых гражданско-правовых вопросах. Момент перехода, добросовестное приобретение, последствия сбоя, обременение, наследование и защита имеют общую природу. Цель статьи состоит в выявлении единого гражданско-правового ядра цифровых финансовых активов и утилитарных цифровых прав и формулировании предложений по согласованию специальных законов с ГК РФ.

1. Содержание цифровых финансовых активов

Цифровой финансовый актив представляет собой цифровое право, включающее одно или несколько прямо перечисленных законом имущественных притязаний. Законодатель связывает его существование с информационной системой, основанной на распределенном реестре или иной информационной технологии. Выпуск совершается на основании решения, в котором определяются объем и содержание прав, условия их осуществления, сведения об эмитенте, цена приобретения и иные существенные характеристики [3].

Гражданско-правовая природа конкретного ЦФА определяется базовым правом. Если актив удостоверяет денежное требование, отношения имеют обязательственный характер; если включает право участия в капитале непубличного акционерного общества, появляется корпоративный элемент; если предоставляет право требовать передачи эмиссионной ценной бумаги, он выступает промежуточным инструментом доступа к традиционному финансовому активу. Общий термин «ЦФА» поэтому обозначает инфраструктурную и регуляторную оболочку, а не единый тип субъективного права.

Особенность режима состоит в институциональном контроле. Выпуск осуществляется в информационной системе, оператор которой включен Банком России в соответствующий реестр. Сделки, как правило, совершаются через оператора обмена цифровых финансовых активов либо непосредственно в системе в допускаемых законом случаях. Такая конструкция создает идентифицируемого профессионального участника, ответственно-

го за правила учета, непрерывность работы и исполнение регуляторных требований.

Закон связывает принадлежность ЦФА с включением лица в реестр пользователей и наличием доступа посредством уникального кода. Переход права происходит с момента записи, а обременение — с момента отражения ограничения в системе [3]. Эти положения развивают статью 141.1 ГК РФ, но одновременно демонстрируют, что общая норма слишком лаконична: основные элементы вещеподобной публичности цифрового права фактически сформулированы только на уровне специального закона.

ЦФА нельзя использовать как обычное средство платежа за товары, работы и услуги внутри страны, за исключением предусмотренных законом случаев. Вместе с тем с 2024 г. допускается их использование в качестве встречного предоставления по внешнеторговым договорам между резидентами и нерезидентами [3]. Это решение превращает цифровое право из исключительно инвестиционного инструмента в элемент трансграничного исполнения обязательств и требует согласования с валютным, налоговым и коллизионным регулированием.

2. Содержание утилитарных цифровых прав

Утилитарные цифровые права возникают в инвестиционной платформе и могут включать право требовать передачи вещи, передачи исключительного права или права использования результата интеллектуальной деятельности, а также выполнения работ или оказания услуг [4]. Они ориентированы на финансирование проекта посредством предварительного предоставления инвестору будущего имущественного результата. По экономической функции такой инструмент близок к предзаказу, инвестиционному договору или токенизированному требованию исполнения.

Закон исключает из содержания утилитарного цифрового права требования, объект которых подлежит государственной регистрации, нотариальному удостоверению либо относится к имуществу, сделки с которым требуют специальной формы, если иное не предусмотрено законом. Ограничение объясняется тем, что запись на платформе не может

автоматически заменить государственную регистрацию недвижимости, переход исключительного права в предусмотренных случаях или нотариальное удостоверение.

Право возникает с момента внесения записи о его приобретении в инвестиционной платформе. Платформа выполняет функции организованной цифровой среды, в которой инвестор принимает инвестиционное предложение, перечисляет средства и получает запись об утилитарном праве. Оператор платформы включается Банком России в реестр и обязан обеспечить соблюдение правил, идентификацию участников, учет инвестиций и раскрытие информации [4].

В отличие от ЦФА, утилитарное цифровое право обычно связано с нефинансовым исполнением. Это влияет на способы оценки и защиты. Стоимость права зависит от готовности проекта, качества будущей вещи или услуги, возможности замены исполнения денежным возмещением и платежеспособности лица, привлекающего инвестиции. При нарушении инвестор нуждается не только в корректной записи, но и в традиционных способах защиты обязательственного права — присуждении к исполнению, отказе от договора, возврате средств и убытках.

Утилитарный характер не означает потребительскую природу каждого отношения. Инвестор может действовать в предпринимательских целях, а приобретаемый результат — использоваться в бизнесе. Применение законодательства о защите прав потребителей зависит от субъектного состава и цели приобретения, а не от цифровой формы права. Правила платформы не вправе устранять императивные гарантии слабой стороны, если они применимы к базовому обязательству.

3. Цифровое свидетельство и вторичный оборот

Для обеспечения оборота утилитарных цифровых прав законодатель предусмотрел цифровое свидетельство — неэмиссионную бездокументарную ценную бумагу, удостоверяющую принадлежность утилитарного цифрового права. Оно учитывается депозитарием и позволяет включить цифровое требование в привычную инфраструктуру рынка ценных бумаг [4]. Конструкция представляет собой

юридическую «обертку второго уровня»: ценная бумага удостоверяет цифровое право, которое, в свою очередь, удостоверяет требование к обязанному лицу.

Преимущество цифрового свидетельства заключается в использовании правил депозитарного учета, залога и перехода бездокументарных ценных бумаг. Инвестору не требуется непосредственно взаимодействовать с инвестиционной платформой при каждой операции. Однако многослойность усложняет распределение рисков: ошибка может возникнуть в платформе, у депозитария или при согласовании двух учетных систем. Закон должен ясно определить, какая запись является приоритетной и кто отвечает за расхождение.

С гражданско-правовой точки зрения цифровое свидетельство не изменяет содержание утилитарного права. Обязанным по передаче вещи или оказанию услуги остается лицо, привлекающее инвестиции, а депозитарий лишь удостоверяет принадлежность опосредованного права. Поэтому погашение свидетельства должно обеспечивать возможность получить и осуществить базовое цифровое право, а прекращение последнего — отражаться в депозитарном учете.

Вторичный оборот зависит от стандартизации и информационной прозрачности. Приобретатель должен иметь доступ к условиям инвестиционного предложения, сведениям об обязанном лице, сроку исполнения, ограничениям передачи и рискам проекта. Простая запись о количестве токенов не раскрывает содержание требования. Следовательно, принцип публичной достоверности цифровой записи должен дополняться доступностью юридически значимых условий выпуска.

4. Гибридные цифровые права и проблема классификации

Специальный закон допускает выпуск гибридных цифровых прав, включающих одновременно цифровые финансовые активы и иные цифровые права. Экономически это позволяет объединить денежное требование с правом на товар, услугу или иной результат. Например, инвестор может получить право на возврат финансирования и дополнительное право на продукцию проекта. Гибридная конструкция повышает гибкость, но усложняет

квалификацию.

При гибридном праве невозможно ограничиться доминирующим элементом, поскольку каждый компонент может иметь самостоятельные условия осуществления и защиты. Денежное требование подчиняется правилам о сроке, процентах и зачетах; право на вещь — требованиям к качеству, комплектности и передаче; корпоративный компонент — нормам о принятии решений и раскрытии информации. Запись объединяет эти элементы, но не превращает их в однородное право.

Вопрос возникает и при частичном исполнении. Погашение денежного компонента не всегда должно прекращать право на нефинансовое предоставление. Информационная система обязана поддерживать раздельное отражение исполнения каждого элемента. Иначе единая запись не позволит установить остаточный объем прав. Решение о выпуске должно содержать правила делимости, последовательности исполнения и последствий прекращения отдельных компонентов.

Классификация гибридного права важна для допуска инвесторов и ограничений оборота. Если хотя бы один компонент обладает признаками рискованного финансового инструмента, регулятор может распространить на весь выпуск требования к квалифицированным инвесторам. Однако гражданско-правовые последствия следует определять дифференцированно. Регуляторный режим продукта и природа каждого субъективного права не должны смешиваться.

5. Иностранные цифровые права и трансграничный оборот

Изменения 2024 г. предусмотрели возможность допуска иностранных цифровых прав к обращению в Российской Федерации и предоставили Банку России полномочия устанавливать особенности их учета и приобретения [5]. Иностранный цифровой объект может быть функционально сходен с российским ЦФА, но создан по праву другой юрисдикции и учтен в зарубежной системе. Его допуск требует проверки содержания, эмитента, инфраструктуры и исполнимости прав российского приобретателя.

Ключевой гражданско-правовой вопрос заключается в применимом праве. Правила

российской системы могут регулировать внутренний учет и сделки на территории России, но содержание обязательства эмитента определяется правом выпуска. Инвестор должен понимать, какое право регулирует действительность актива, объем требований, основания прекращения и способы защиты. Без раскрытия коллизионной привязки допуск иностранного цифрового права создает иллюзию полной подчиненности российскому режиму.

Необходима модель признания иностранной записи. Российский оператор не создает базовое право заново, а отражает его в своей системе либо обеспечивает доступ к зарубежному учету. Поэтому должна быть исключена ситуация двойного распоряжения одним активом. Технические и договорные механизмы блокирования в исходной системе, номинального держания или синхронизации записей должны иметь юридически проверяемый характер.

Ограничение приобретения отдельных иностранных цифровых прав гражданами направлено на защиту непрофессиональных инвесторов [3]. Однако оно не решает проблему взыскания и наследования уже принадлежащего актива. Переход к наследнику или кредитору по судебному акту не должен блокироваться так же, как добровольная инвестиционная покупка; закон обязан предусмотреть специальный режим вынужденного приобретения с последующей реализацией допустимому лицу.

Использование ЦФА во внешнеторговых расчетах повышает значение окончательно цифрового исполнения. Стороны должны определить момент исполнения денежного обязательства, валюту оценки, распределение риска волатильности, последствия отказа иностранной инфраструктуры и порядок разрешения споров. Передача ЦФА может быть встречным предоставлением, но не устраняет необходимость оценить исполнение в денежном выражении для бухгалтерских, налоговых и санкционных целей.

6. Фрагментарность специальных режимов

Раздельное регулирование ЦФА и утилитарных цифровых прав исторически объяс-

нимо: законы принимались для разных рынков и задач. Однако гражданско-правовая общность объектов проявляется в цифровой форме учета, конститутивном значении записи, наличии оператора, необходимости идентификации обладателя и зависимости осуществления от правил системы. Эти элементы должны регулироваться единообразно, независимо от того, удостоверяет токен денежное или нефинансовое требование.

Фрагментарность выражается в различной терминологии. В одном законе используется «информационная система, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов», в другом — «инвестиционная платформа»; различаются понятия пользователя, инвестора, лица, привлекающего инвестиции, оператора и номинального держателя. Различие ролей допустимо, но общие категории обладателя цифрового права, записи, обременения и погашения должны иметь одинаковое значение.

Еще одна проблема — разный уровень детализации защиты. Специальные законы в основном регулируют допуск и деятельность операторов, тогда как последствия недействительной операции, ошибки учета, компрометации доступа и неисполнения судебного акта раскрыты недостаточно. В результате гражданско-правовой спор решается сочетанием общих норм, правил платформы и технических документов, которые не всегда согласованы.

Избыточное перенесение гражданско-правовых норм в каждый специальный закон также нежелательно. Оно приводит к расхождению и усложняет появление нового вида цифровых прав. Рациональнее сформировать в ГК РФ общий институт, а специальные законы использовать для определения состава удостоверяемых прав, требований к выпуску, профессиональным участникам, раскрытию информации и регуляторному надзору.

7. Концепция единого гражданско-правового ядра

Единое гражданско-правовое ядро должно включать правила о возникновении, принадлежности, переходе, обременении, погашении и защите цифрового права. Во-первых, право возникает с первой записью, если закон не свя-

зывает возникновение с иным юридическим фактом. Во-вторых, обладателем презюмируется идентифицированное лицо, указанное в системе. В-третьих, переход и обременение приобретают силу для третьих лиц с момента записи.

В-четвертых, решение о выпуске и правила системы должны быть доступны приобретателю на протяжении всего срока существования права, а их существенные условия не могут изменяться в одностороннем порядке во вред обладателю без предусмотренного законом согласия. В-пятых, погашение допускается только при прекращении удостоверенного права либо в иных прямо установленных случаях. Техническое удаление записи не должно прекращать неисполненное обязательство.

В-шестых, оператор обязан обеспечивать доказуемость истории, резервирование, внесение судебных ограничений и восстановление учета. При прекращении деятельности должна действовать процедура передачи реестра другому оператору или преобразования записи в иной юридически признанный способ удостоверения. Обладатель не должен утрачивать право из-за прекращения бизнеса технологического посредника.

В-седьмых, необходимо закрепить универсальные способы защиты: признание принадлежности, восстановление записи, блокирование операции, принудительный перевод, погашение недостоверной записи и возмещение убытков. Судебный акт должен исполняться оператором непосредственно, без необходимости заключения фиктивной сделки или получения согласия лица, утратившего право.

В-восьмых, добросовестный приобретатель должен получать защиту при доверии к надлежащей системе, если спор или обременение не были отражены и приобретатель не знал о нарушении. Конкретные пределы защиты могут зависеть от вида базового права: для корпоративного участия, потребительского требования или права на индивидуально-определенную вещь допустимы разные последствия. Но сама презумпция доверия к записи должна быть общей.

8. Предложения по изменению законодательства

Статью 141.1 ГК РФ целесообразно допол-

нить положениями о решении или ином основании выпуска цифрового права, моменте записи, презумпции принадлежности и обязанности лица, обеспечивающего функционирование системы. Кодекс должен закрепить рамочную модель, не привязанную к распределенному реестру и конкретному регулятору.

В специальных законах следует унифицировать понятия записи, обладателя, перевода, обременения и погашения. Различия должны сохраняться лишь там, где они обусловлены содержанием базового права и характером рынка. Например, требования к квалификации инвестора уместны для рискованных финансовых активов, но не должны автоматически распространяться на утилитарное право получить обычный товар или услугу.

Необходимо нормативно урегулировать взаимодействие нескольких систем. Цифровое свидетельство, иностранное цифровое право и номинальное держание создают параллельные уровни учета. Закон должен определить приоритет записи, процедуру сверки, последствия расхождения и солидарную либо долевую ответственность инфраструктурных участников. Участник оборота не должен самостоятельно устанавливать, на каком уровне произошла ошибка.

Для гибридных цифровых прав следует закрепить принцип раздельной квалификации компонентов. Решение о выпуске обязано раскрывать состав каждого притязания, условия его исполнения и погашения. Частичное прекращение одного компонента должно отражаться без автоматического прекращения остальных, если иное прямо не установлено условиями выпуска и не нарушает императивные нормы.

В трансграничном обороте требуется обязательное раскрытие применимого права, компетентного суда или арбитража, способа признания иностранной записи и механизма принудительного исполнения. Российский допуск не должен восприниматься как государственная гарантия исполнения иностранным эмитентом, но обязан обеспечивать инвестору достоверную информацию о юридической структуре продукта.

Заключение

Цифровые финансовые активы и утилитар-

ные цифровые права различаются экономическим назначением и содержанием удостоверяемых притязаний, но обладают единым гражданско-правовым механизмом: право существует и обращается посредством записи в регулируемой информационной системе. Поэтому их нельзя ни полностью унифицировать, ни изолировать друг от друга. Унификации подлежит инфраструктурная часть, дифференциации — содержание базового права и рыночные риски.

Фрагментарность двух специальных законов создает неоправданные расхождения в терминологии и защите. ГК РФ должен содержать общее ядро цифровых прав, включающее правила принадлежности, перехода, об-

ременения, погашения, доказательственного значения записи, ответственности оператора и исполнения судебных актов. Специальное законодательство должно регулировать выпуск, раскрытие, допуск инвесторов и надзор.

Предлагаемая модель особенно важна в связи с развитием гибридных и иностранных цифровых прав, а также использованием ЦФА во внешнеторговых расчетах. Чем сложнее инфраструктура и больше уровней учета, тем выше потребность в единых частноправовых принципах. Согласование специальных режимов с ГК РФ позволит сформировать предсказуемый цифровой оборот без утраты правовой природы конкретных имущественных притязаний.

Список литературы:

- [1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24 июня 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
- [2] О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.
- [3] О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (ред. от 15 декабря 2025 г., с изм. от 20 января 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.
- [4] О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 31. Ст. 4418.
- [5] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 221-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.08.2026).
- [6] По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации и Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте...»: Постановление Конституционного Суда РФ от 20 января 2026 г. № 2-П // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.08.2026).
- [7] Банк России. Реестр операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов. URL: <https://cbr.ru> (дата обращения: 01.08.2026).
- [8] Банк России. Реестр операторов обмена цифровых финансовых активов. URL: <https://cbr.ru> (дата обращения: 01.08.2026).
- [9] Банк России. Реестр операторов инвестиционных платформ. URL: <https://cbr.ru> (дата обращения: 01.08.2026).
- [10] Новоселова Л. А., Габов А. В., Савельев А. И. [и др.] Цифровые права как новый объект гражданского права // Закон. 2019. № 5. С. 31–54.
- [11] Аюшеева И. З. Цифровые объекты гражданских прав // Lex russica. 2021. Т. 74. № 7. С. 32–43.
- [12] Гринь О. С. Обязательственные отношения по поводу цифровых прав // Lex russica.

2020. Т. 73. № 10. С. 21–31.

[13] Ефимова Л. Г., Егорова М. А. Понятие криптовалют в контексте совершенствования российского законодательства // *Lex russica*. 2019. № 7. С. 130–140.

[14] Богданова Е. Е. Проблемы применения смарт-контрактов в сделках с виртуальным имуществом // *Lex russica*. 2019. № 7. С. 108–116.

[15] Право цифровой среды: монография / под ред. Т. П. Подшивалова, Е. В. Титовой, Е. А. Громовой. М.: Проспект, 2022. 896 с.

[16] Цифровое право: учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М.: Проспект, 2020. 640 с.

References:

[1] *Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on June 24, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.*

[2] *On Amendments to Parts One, Two, and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation: Federal Law of March 18, 2019 No. 34-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 12. Art. 1224.*

[3] *On digital financial assets, digital currency, and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of July 31, 2020 No. 259-FZ (as amended on December 15, 2025, as amended on January 20, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31 (Part I). Art. 5018.*

[4] *On attracting investments using investment platforms and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of August 2, 2019 No. 259-FZ (as amended on August 8, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 31. Art. 4418.*

[5] *On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law of August 8, 2024 No. 221-FZ // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru> (date accessed: August 1, 2026).*

[6] *On the case concerning the verification of the constitutionality of the provisions of paragraph 1 of Article 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation and the Federal Law "On Digital Financial Assets, Digital Currency...": Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 20, 2026 No. 2-P // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru> (date accessed: August 1, 2026).*

[7] *Bank of Russia. Register of operators of information systems in which digital financial assets are issued. URL: <https://cbr.ru> (accessed: 01.08.2026).*

[8] *Bank of Russia. Register of Digital Financial Asset Exchange Operators. URL: <https://cbr.ru> (accessed: 01.08.2026).*

[9] *Bank of Russia. Register of Investment Platform Operators. URL: <https://cbr.ru> (accessed: 01.08.2026).*

[10] *Novoselova L. A., Gabov A. V., Savelyev A. I. [et al.] Digital Rights as a New Object of Civil Law // Law. 2019. No. 5. pp. 31–54.*

[11] *Ayusheeva I. Z. Digital Objects of Civil Rights // Lex russica. 2021. Vol. 74. No. 7. pp. 32–43.*

[12] *Grin' O. S. Obligatory Relations Regarding Digital Rights // Lex russica. 2020. Vol. 73. No. 10. pp. 21–31.*

[13] *Efimova L. G., Egorova M. A. The Concept of Cryptocurrency in the Context of Improving Russian Legislation // Lex russica. 2019. No. 7. pp. 130–140.*

[14] *Bogdanova E. E. Problems of Applying Smart Contracts in Transactions with Virtual Property // Lex russica. 2019. No. 7. pp. 108–116.*

[15] *Law of the Digital Environment: Monograph / edited by T. P. Podshivalov, E. V. Titova, E. A. Gromova. Moscow: Prospect, 2022. 896 p.*

[16] *Digital law: textbook / edited by V. V. Blazheev, M. A. Egorova. Moscow: Prospect, 2020. 640 p.*

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,
доктор юридических наук, профессор,
декан факультета профессиональной переподготовки
Московского института профессионального образования им. К.Д. Ушинского,
профессор кафедры конституционного и международного права
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)», Почетный адвокат России, эксперт РАН,
Scopus Author ID: 57224262554, Scopus Author ID: 55886571500,
e-mail: ludmilagr@mail.ru

**ОБОРОТ И ЗАЩИТА ЦИФРОВЫХ ПРАВ:
ПЕРЕДАЧА, ЗАЛОГ, НАСЛЕДОВАНИЕ И ОБРАЩЕНИЕ ВЗЫСКАНИЯ
В МЕХАНИЗМЕ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РФ**

Аннотация. В статье исследуются механизмы гражданского оборота и защиты цифровых прав, предусмотренных статьей 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации. Рассматриваются момент перехода цифрового права, соотношение системной записи и договора, особенности залога, наследования, включения в конкурсную массу и обращения взыскания. Выявляется противоречие между нематериальной природой цифрового права и инфраструктурной зависимостью его осуществления от оператора информационной системы. Обосновывается необходимость создания общего гражданско-правового режима блокирования, восстановления и принудительного перевода цифровых прав, а также унификации доказательственного значения записей и электронных выписок. Предлагается закрепить в ГК РФ презумпцию принадлежности цифрового права лицу, указанному в системе, относительную публичную достоверность системной записи и обязанность оператора исполнять вступившие в законную силу судебные акты. Сформулированы предложения по адаптации норм о залоге имущественных прав, наследовании и исполнительном производстве к цифровому обороту.

Ключевые слова: оборот цифровых прав, передача цифрового права, залог, наследование, взыскание, банкротство, информационная система, защита гражданских прав, цифровые доказательства.

GRUDTSINA Ludmila Yurievna,
Doctor of Law, Professor,
Dean of the Faculty of Professional Retraining
of the Moscow Institute of Vocational Education
named after K.D. Ushinsky (<https://mipo.online>),
Professor of the Department of Constitutional and International Law
of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia),"
Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences

**TURNOVER AND PROTECTION OF DIGITAL RIGHTS:
TRANSFER, PLEDGE, INHERITANCE AND ENFORCEMENT
UNDER THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Annotation. The article examines mechanisms for the turnover and protection of digital rights under Article 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation. It addresses the moment of transfer,

the relationship between a contract and a system record, and the legal specifics of pledge, inheritance, bankruptcy estate inclusion, and enforcement. The author identifies a contradiction between the intangible nature of digital rights and their infrastructural dependence on an information-system operator. The article argues for a general civil-law framework governing freezing, restoration, and compulsory transfer of digital rights, as well as uniform evidentiary rules for system records and electronic statements. It proposes a presumption that the person identified in the system is the holder, a model of relative public reliability of the record, and a statutory duty of the operator to execute final court judgments. Recommendations are made for adapting the rules on pledge of proprietary rights, inheritance, and enforcement proceedings to digital turnover.

Key words: *turnover of digital rights, transfer, pledge, inheritance, enforcement, bankruptcy, information system, civil remedies, digital evidence.*

Введение

Признание цифровых прав объектами гражданских прав имеет практический смысл только при наличии эффективных правил их оборота и защиты. Статья 141.1 ГК РФ устанавливает исходный принцип: осуществление, распоряжение, переход, залог и обременение цифрового права возможны в информационной системе без обращения к третьему лицу [1]. Однако общая формула не отвечает на ряд ключевых вопросов: достаточно ли договора для перехода права, как действует судебный запрет, что происходит при утрате ключа доступа, каким образом наследник или арбитражный управляющий получает контроль над записью.

Специальное законодательство частично восполняет пробелы. В отношении цифровых финансовых активов переход и возникновение обременения связываются с внесением записи в информационную систему; статус обладателя определяется сочетанием включения в реестр пользователей и доступа посредством уникального кода [3]. Для утилитарных цифровых прав значимые действия совершаются в инвестиционной платформе [4]. Тем не менее различия специальных режимов препятствуют формированию единых гражданско-правовых принципов.

Цель настоящей статьи — разработать системный подход к обороту и защите цифровых прав с использованием конструкций общей части гражданского права. Методологическую основу составляют формально-юридический, системный и функциональный методы. Научная новизна заключается в предложении модели относительной публичной достоверности записи, которая сочетает презумпцию принадлежности права зарегистрированному

лицу с возможностью судебного оспаривания и восстановления нарушенного права.

1. Договор и запись как элементы перехода цифрового права

Переход цифрового права предполагает как минимум два юридически значимых элемента: основание передачи и изменение записи. Основанием выступает договор, иной акт распоряжения, универсальное правопреемство или властное решение. Запись обеспечивает легитимацию приобретателя и возможность осуществления права. Отождествление этих элементов ведет к ошибке: система фиксирует результат, но не всегда способна проверить действительность сделки, дееспособность стороны, наличие заблуждения, обмана или корпоративного одобрения.

В отношении цифровых финансовых активов закон прямо устанавливает, что права переходят к новому приобретателю с момента внесения записи, если иное не предусмотрено федеральным законом [3]. Следовательно, договор до записи создает обязательство совершить системную операцию, но не наделяет приобретателя самим цифровым правом. Такая конструкция близка к модели передачи бездокументарных ценных бумаг и позволяет определить единый момент перехода для третьих лиц.

При этом системная запись не должна исцелять ничтожную сделку. Если распоряжение совершено лицом, не обладавшим необходимыми полномочиями, либо возникло вследствие неправомерного доступа, первоначальный обладатель должен иметь возможность требовать восстановления записи, признания права и возмещения убытков. Иное означало бы абсолютную неоспоримость технического результата и фактическое подчинение гражд-

данского права алгоритму.

Для оспоримых сделок целесообразно применять общие последствия недействительности с учетом технической специфики. Судебное решение должно служить непосредственным основанием для обратной записи, а оператор — обязан ее внести. Если цифровое право уже передано последующему приобретателю, необходим баланс между защитой первоначального обладателя и стабильностью оборота. Этот баланс может быть построен по аналогии с виндикационными ограничениями и правилами о защите добросовестного приобретателя бездокументарных ценных бумаг.

Особую проблему представляют автоматизированные сделки, исполняемые при наступлении заданных обстоятельств без дополнительного волеизъявления. Закон допускает изменение записей в результате действия, совершенного с применением информационных технологий [3]. Однако автоматизм исполнения не исключает применения норм о недействительности, существенном изменении обстоятельств, невозможности исполнения и злоупотреблении правом. Программный код является способом исполнения соглашения, но не автономным источником правомерности.

2. Презумпция принадлежности и публичная достоверность записи

Надежность цифрового оборота зависит от ответа на вопрос, в какой мере третье лицо вправе доверять записи. Статья 141.1 ГК РФ исходит из признания обладателем лица, которое в соответствии с правилами информационной системы может распоряжаться правом. Такая формулировка создает легитимационную презумпцию, но не определяет ее опровержимость и последствия добросовестного доверия.

Абсолютная публичная достоверность была бы чрезмерной, поскольку многие системы не являются государственными реестрами, а их операторы действуют на частноправовой основе. Вместе с тем полное отсутствие доверия к записи лишает цифровизацию преимуществ: приобретатель был бы вынужден проверять всю цепочку предшествующих сделок. Поэтому оптимальна относительная публичная достоверность. До доказательства

обратного зарегистрированное лицо считается обладателем; добросовестный приобретатель защищается, если ограничение или спор не были отражены в системе и он проявил разумную осмотрительность.

Для реализации такой модели система должна позволять вносить сведения об арестах, залоге, судебном споре и иных ограничениях. Специальный закон о цифровых финансовых активах уже связывает возникновение ограничения или обременения с записью [3]. Общий подход следует распространить на все цифровые права: неотраженное ограничение не должно противопоставляться добросовестному приобретателю, если обязанность по его внесению лежала на правообладателе, операторе или государственном органе.

Презумпция принадлежности имеет доказательственное значение. Электронная выписка, сформированная системой и позволяющая проверить источник и целостность, должна приниматься судом как письменное доказательство без дополнительного нотариального удостоверения. При споре оператор обязан представить историю записей, данные об идентификации, временные метки и сведения об использованном способе подтверждения операции. Отказ или техническая невозможность раскрыть историю должны оцениваться против контролирующего систему лица.

Важным является разграничение юридического обладателя права и фактического владельца средства доступа. Похищение ключа или компрометация учетной записи дает злоумышленнику техническую возможность инициировать операцию, но не делает его законным правообладателем. Поэтому критерий контроля над кодом должен дополняться юридической идентификацией пользователя и механизмами оперативного уведомления о несанкционированном доступе.

3. Залог и иные обременения цифровых прав

Цифровое право как имущественное право способно быть предметом залога, если его содержание допускает денежную оценку и обращение взыскания. Статья 141.1 ГК РФ прямо упоминает залог и обременение, совершаемые в информационной системе. Однако

общие нормы о залоге прав требуют адаптации: необходимо определить момент возникновения залога, способ уведомления третьих лиц, порядок контроля за распоряжением и способ реализации.

Наиболее последовательным является конститутивный характер записи о залоге. Залог возникает не ранее внесения обременения в систему, даже если договор заключен до этого момента. Договор создает обязанность обеспечить регистрацию, а запись делает залог противопоставимым третьим лицам. Подобная модель исключает скрытые обременения и соответствует инфраструктурной природе цифрового права.

Правила системы должны позволять выбирать режим распоряжения предметом залога. Возможны полное блокирование отчуждения, передача только с согласия залогодержателя либо свободный оборот с сохранением обременения. Конкретный режим определяется договором и законом, однако техническая реализация не может ухудшать положение залогодержателя по сравнению с согласованными условиями. Если система ошибочно допускает свободный перевод заблокированного права, оператор должен отвечать за причиненные убытки.

Обращение взыскания может осуществляться путем продажи цифрового права на организованной площадке, перевода залогодержателю по согласованной оценке или погашения права с направлением полученного исполнения кредитуру. Выбор способа зависит от содержания актива. Для права денежного требования эффективна передача залогодержателю или получение платежа; для права требовать вещь или услугу может потребоваться продажа токена лицу, заинтересованному в исполнении.

ГК РФ следует дополнить общим указанием, что судебный акт и предусмотренное законом внесудебное распоряжение являются достаточным основанием для принудительной записи о переходе заложенного цифрового права. Оператор не должен оценивать материальную обоснованность исполнительного документа, но обязан проверить его подлинность, идентифицировать объект и совершить операцию в установленный срок.

4. Наследование цифровых прав

Цифровые права входят в состав наследства как имущественные права, если они не связаны неразрывно с личностью наследодателя. Универсальное правопреемство происходит в момент открытия наследства, однако осуществление права становится возможным после идентификации наследника и внесения записи. Здесь особенно ясно проявляется различие между юридическим переходом и технической легитимацией.

На практике наследники могут не знать о наличии цифровых активов, а нотариус — не иметь доступа к сведениям платформы. Сохранение тайны и защита персональных данных не должны препятствовать выявлению наследственной массы. Необходим межсистемный запросный механизм, позволяющий нотариусу направлять удостоверенное обращение операторам и получать сведения о наличии цифровых прав без передачи средств доступа и без раскрытия лишней информации.

Передача наследникам закрытого ключа не является универсальным решением. Ключ мог быть утрачен, скомпрометирован или использоваться для доступа к нескольким активам и персональным данным. Кроме того, фактическое использование ключа наследодателя до оформления наследства может нарушать правила системы. Правовой механизм должен основываться на свидетельстве о праве на наследство и совершении оператором записи, а не на неформальном наследовании пароля.

При множественности наследников цифровое право может перейти в общую долевую принадлежность, если его содержание и система допускают дробление. Если цифровой актив неделим либо правила выпуска запрещают частичную запись, наследники должны определить лицо, которому он передается, с компенсацией остальным, либо реализовать актив и разделить выручку. Оператору следует предоставить техническую возможность временно блокировать распоряжение до завершения наследственного производства.

Завещатель может заранее определить порядок доступа и лицо, ответственное за цифровое наследство, однако такое распоряжение не должно подменять завещание и нарушать обязательную долю. Перспективным является

институт исполнителя цифрового завещательного распоряжения, действующего в пределах полномочий душеприказчика. Его задача — обнаружить активы, обеспечить их сохранность и инициировать перевод законным наследникам.

5. Банкротство и обращение взыскания

Имущественная ценность цифрового права требует его включения в конкурсную массу должника. Арбитражный управляющий должен получить сведения об активах, добиться блокирования распоряжения и организовать реализацию. Если право учтено у российского регулируемого оператора, эта задача может быть решена запросом и исполнительным документом. Значительно сложнее ситуация с иностранной или децентрализованной системой, где отсутствует субъект, способный исполнить властное предписание.

Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда 2018 г. по делу № А40-124668/2017 стало ранним примером функционального включения криптовалюты в конкурсную массу как иного имущества [7]. Хотя цифровая валюта не тождественна цифровому праву, сформулированный подход важен: отсутствие специальной процедуры не должно позволять должнику сохранить экономически ценный актив вне удовлетворения требований кредиторов.

Для цифровых прав необходимо установить обязанность должника раскрыть сведения о принадлежащих ему активах и предоставить данные, достаточные для идентификации записей. Неисполнение может влечь отказ в освобождении от обязательств, судебный штраф и иные последствия недобросовестности. Одновременно управляющему нельзя передавать универсальные пароли, открывающие доступ к личной информации; предпочтительна контролируемая смена субъекта доступа оператором.

Арест цифрового права должен выражаться в записи, исключающей или ограничивающей распоряжение. Направление бумажного постановления без технического блокирования не обеспечивает цели обеспечительной меры. Поэтому требуется электронное взаимодействие между судами, службой судебных приставов и операторами информационных

систем. Идентификатор актива, объем ограничения и срок должны передаваться в машиночитаемом виде.

Реализация цифрового права должна учитывать ликвидность и правила допуска приобретателей. Некоторые цифровые финансовые активы доступны лишь квалифицированным инвесторам; отдельные права могут быть приобретены только участниками конкретной платформы. Продажа должна осуществляться среди лиц, отвечающих установленным требованиям, иначе запись о переходе не будет внесена. Оценка актива должна учитывать не только номинал требования, но и кредитный риск обязанного лица, срок исполнения и ограничения обращения.

Взыскание на право, удостоверяющее будущую передачу вещи, может быть обращено либо путем продажи самого цифрового права, либо путем получения вещи с последующей реализацией. Выбор должен определяться интересами кредиторов и экономической эффективностью. Закон не должен искусственно сводить все цифровые активы к единому аукционному механизму, поскольку их базовое содержание различно.

6. Способы защиты и ответственность оператора

К цифровым правам применимы общие способы защиты, предусмотренные статьей 12 ГК РФ: признание права, восстановление положения, пресечение нарушений, признание сделки недействительной, возмещение убытков и компенсация. Однако техническая зависимость требует специального процессуального результата — внесения, восстановления, блокирования или аннулирования записи. Без такого результата решение о признании права может остаться декларативным.

Иск о восстановлении цифрового права должен быть направлен к лицу, которое незаконно приобрело право, а оператор привлекается как соответчик либо лицо, обязанное совершить запись, в зависимости от характера спора. Если нарушение вызвано ошибкой оператора, именно он является надлежащим ответчиком по требованию о восстановлении и убытках. Если оператор лишь технически исполнил внешне корректное распоряжение, вопрос ответственности зависит от соблюде-

ния стандартов идентификации и реагирования на уведомление.

Обязанность оператора обеспечить безопасность не может быть абсолютной, но должна оцениваться профессиональным стандартом. Оператор контролирует архитектуру, процедуры аутентификации, журналирование и резервирование, поэтому несет повышенную ответственность за риски этой сферы. Пользователь отвечает за сохранность переданного ему средства доступа лишь в той мере, в какой правила были ясными, разумными и не перекладывали на него технологические риски, которые он объективно не способен контролировать.

При массовом сбое предпочтительно восстановление записей по достоверной резервной копии и данным независимого аудита. Если точное восстановление невозможно, убытки должны определяться исходя из стоимости удостоверенного права, утраченного дохода и расходов на восстановление. Ограничение ответственности оператора в правилах системы не должно распространяться на умысел, грубую неосторожность, нарушение обязательных требований безопасности и неисполнение судебного акта.

Отдельный способ защиты необходим при утрате доступа без неправомерного перехода права. Владелец должен иметь право на восстановление идентификации при предоставлении достаточных доказательств. Процедура может включать период ожидания, уведомление ранее связанного адреса, проверку документов и временную блокировку. Полная невозможность восстановления превращает право в зависимость от сохранности одного технического элемента и противоречит принципу судебной защиты.

7. Предложения по совершенствованию законодательства

В ГК РФ целесообразно закрепить четыре общих правила. Во-первых, лицо, указанное в информационной системе в качестве владельца, предполагается правообладателем до доказательства обратного. Во-вторых, переход и обременение, для которых закон предусматривает системную запись, приобретают силу для третьих лиц с момента такой записи. В-третьих, вступивший в силу судебный

акт является непосредственным основанием для обязательного изменения записи. В-четвертых, оператор обязан предоставить суду и уполномоченному органу проверяемую историю операций.

В законодательстве о нотариате следует установить право нотариуса запрашивать сведения о цифровых правах наследодателя у включенных в государственные реестры операторов. Запрос должен направляться через единую защищенную инфраструктуру, а ответ — содержать идентификатор права, его вид, объем и наличие обременений. Передача приватных ключей и иных секретов не требуется.

В законодательстве об исполнительном производстве необходима самостоятельная процедура обращения взыскания на цифровые права. Она должна включать электронный розыск, немедленное блокирование, оценку с учетом условий выпуска, выбор допустимого способа реализации и принудительный перевод приобретателю. Операторы должны быть включены в систему межведомственного электронного взаимодействия и нести ответственность за несвоевременное исполнение постановления.

Наконец, требуется унификация минимальных требований к правилам информационных систем: порядок подтверждения операции, исправления ошибок, восстановления доступа, ведения журнала, внесения ограничений, исполнения судебных актов и прекращения работы платформы. Эти требования должны иметь императивный характер, поскольку без них реализация субъективного гражданского права зависит от односторонне установленных частных правил.

Заключение

Цифровое право участвует в обороте через сочетание традиционного юридического основания и конститутивной системной записи. Договор, наследование или судебный акт объясняют, почему право должно перейти, а запись делает переход осуществимым и противопоставимым третьим лицам. Признание только одного из элементов недостаточно: договор без записи не обеспечивает легитимацию, а запись без действительного основания не должна исключать судебное восстановление.

Для устойчивости оборота необходим режим относительной публичной достоверности. Запись создает опровержимую презумпцию принадлежности, а добросовестное доверие к незапрещенной операции подлежит защите при соблюдении установленных условий. Одновременно система должна обеспечивать публичность обременений, доказуемость истории и возможность исполнения судебного решения.

Наследование, залог, банкротство и вызы-

скание показывают, что цифровые права не могут регулироваться исключительно правилами платформы. Общие гарантии должны быть закреплены в ГК РФ и процессуальном законодательстве. Только при наличии процедур блокирования, восстановления и принудительного перевода цифровое право становится полноценным объектом гражданского оборота, а не условной технической возможностью, зависящей от доброй воли оператора.

Список литературы:

- [1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24 июня 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
- [2] Об исполнительном производстве: Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 23 июля 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.
- [3] О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (ред. от 15 декабря 2025 г., с изм. от 20 января 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.
- [4] О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 31. Ст. 4418.
- [5] Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (ред. от 23 июля 2025 г.) // Российская газета. 1993. 13 марта.
- [6] По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации и Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте...»: Постановление Конституционного Суда РФ от 20 января 2026 г. № 2-П // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.08.2026).
- [7] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
- [8] Новоселова Л. А., Габов А. В., Савельев А. И. [и др.] Цифровые права как новый объект гражданского права // Закон. 2019. № 5. С. 31–54.
- [9] Гринь О. С. Обязательственные отношения по поводу цифровых прав // Lex russica. 2020. Т. 73. № 10. С. 21–31.
- [10] Павлова Д. А. Особенности осуществления цифровых прав // Юрист. 2023. № 3. С. 8–15.
- [11] Богданова Е. Е. Проблемы применения смарт-контрактов в сделках с виртуальным имуществом // Lex russica. 2019. № 7. С. 108–116.
- [12] Савельев А. И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. 2017. № 6. С. 136–153.
- [13] Аюшеева И. З. Цифровые объекты гражданских прав // Lex russica. 2021. Т. 74. № 7. С. 32–43.
- [14] Право цифровой среды: монография / под ред. Т. П. Подшивалова, Е. В. Титовой, Е. А. Громовой. М.: Проспект, 2022. 896 с.
15. Цифровое право: учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М.: Проспект, 2020. 640 с.

References:

- [1] *Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on June 24, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.*
- [2] *On Enforcement Proceedings: Federal Law of October 2, 2007 No. 229-FZ (as amended on July 23, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 41. Art. 4849.*
- [3] *On digital financial assets, digital currency, and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of July 31, 2020 No. 259-FZ (as amended on December 15, 2025, as amended on January 20, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31 (Part I). Art. 5018.*
- [4] *On attracting investments using investment platforms and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of August 2, 2019 No. 259-FZ (as amended on August 8, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 31. Art. 4418.*
- [5] *Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries of February 11, 1993, No. 4462-I (as amended on July 23, 2025) // Rossiyskaya Gazeta. 1993. March 13.*
- [6] *On the case concerning the verification of the constitutionality of the provisions of paragraph 1 of Article 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation and the Federal Law "On Digital Financial Assets, Digital Currency...": Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 20, 2026, No. 2-P // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru> (date of access: 01.08.2026).*
- [7] *Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated May 15, 2018, No. 09AP-16416/2018 in case No. A40-124668/2017 // SPS ConsultantPlus.*
- [8] *Novoselova L. A., Gabov A. V., Savelyev A. I. [et al.] Digital Rights as a New Object of Civil Law // Zakon. 2019. No. 5. pp. 31–54.*
- [9] *Grin O. S. Obligatory Relations Regarding Digital Rights // Lex russica. 2020. Vol. 73. No. 10. pp. 21–31.*
- [10] *Pavlova D. A. Features of the Exercise of Digital Rights // Jurist. 2023. No. 3. pp. 8–15.*
- [11] *Bogdanova E. E. Problems of Applying Smart Contracts in Transactions with Virtual Property // Lex russica. 2019. No. 7. pp. 108–116.*
- [12] *Savelyev A. I. Cryptocurrencies in the System of Civil Rights Objects // Zakon. 2017. No. 6. pp. 136–153.*
- [13] *Ayusheeva I. Z. Digital Objects of Civil Rights // Lex russica. 2021. Vol. 74. No. 7. pp. 32–43.*
- [14] *Law of the Digital Environment: Monograph / edited by T. P. Podshivalov, E. V. Titova, E. A. Gromova. Moscow: Prospect, 2022. 896 pp.*
15. *Digital Law: Textbook / edited by A. V. Vygotzky. V. V. Blazheeva, M. A. Egorova. Moscow: Prospect, 2020. 640 p.*

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.05.2024 г.
Дата принятия рукописи к печати: 25.06.2024 г.

DOI: 10.24412/3034-4395-2024-2-26-35

ИВАНОВА Светлана Анатольевна,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин
Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова,
e-mail: mail@law-books.ru

СВОБОДА ЗАВЕЩАНИЯ И ПРАВО НА ОБЯЗАТЕЛЬНУЮ ДОЛЮ: ПОИСК БАЛАНСА ЧАСТНОЙ АВТОНОМИИ И СЕМЕЙНОЙ СОЛИДАРНОСТИ

Аннотация. В статье исследуется соотношение принципа свободы завещания и права отдельных наследников на обязательную долю в наследстве. Обосновывается, что обязательная доля представляет собой не механическое исключение из свободы завещания, а специальную наследственно-правовую гарантию, основанную на сочетании семейной солидарности, социальной защиты и добросовестности. Проанализированы субъектный состав обязательных наследников, порядок исчисления и удовлетворения обязательной доли, основания ее уменьшения и отказа в присуждении, а также влияние наследственных фондов и иных современных инструментов наследственного планирования. Выявлены дефекты действующей модели: формализация критерия нуждаемости, неоднородность судебной практики, недостаточная определенность оценки имущественного положения сторон и несогласованность статьи 1149 ГК РФ с усложнившейся структурой наследственной массы. Предложена двухступенчатая модель судебной коррекции обязательной доли и сформулированы предложения по изменению Гражданского кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: наследственное право, завещание, свобода завещания, обязательная доля, обязательный наследник, нетрудоспособность, иждивение, семейная солидарность, наследственное планирование, судебное усмотрение.

IVANOVA Svetlana Anatolyevna,
Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of State and Criminal Law Disciplines
at the Plekhanov Russian University of Economics

TESTAMENTARY FREEDOM AND THE FORCED SHARE: BALANCING PRIVATE AUTONOMY AND FAMILY SOLIDARITY

Annotation. The article examines the relationship between testamentary freedom and the right of certain heirs to a forced share. It argues that the forced share is not merely a technical exception to testamentary freedom but a special succession-law guarantee based on family solidarity, social protection and good faith. The paper analyzes eligible forced heirs, calculation and satisfaction of the share, grounds for its reduction or denial, and the impact of inheritance funds and other modern estate-planning instruments. It identifies excessive formalism in assessing need, inconsistent judicial approaches, uncertainty in comparing the parties' property positions, and poor adaptation of Article 1149 of the Russian Civil Code to increasingly complex estates. A two-stage model of judicial adjustment is proposed together with amendments to the Civil Code.

Key words: inheritance law, will, testamentary freedom, forced share, forced heir, incapacity for work, dependency, family solidarity, estate planning, judicial discretion.

Введение

Свобода завещания относится к базовым началам российского наследственного права. Она обеспечивает гражданину возможность самостоятельно определить юридическую судьбу имущества на случай смерти, назначить наследников, установить доли, лишить наследства наследников по закону, предусмотреть завещательный отказ, возложение и иные распоряжения. В этом качестве завещание продолжает частную автономию за пределы жизни лица и обеспечивает преемственность его имущественных решений. Вместе с тем свобода завещания не абсолютна: пункт 1 статьи 1119 ГК РФ прямо ограничивает ее правилами об обязательной доле [2]. Такое ограничение затрагивает центральный вопрос наследственного права — насколько правопорядок вправе корректировать последнюю волю собственника ради защиты членов его семьи.

Актуальность проблемы усилилась вследствие усложнения состава наследства и появления новых способов наследственного планирования. Наряду с жилыми помещениями и денежными средствами наследственная масса включает доли в корпорациях, исключительные права, цифровые финансовые активы, права из инвестиционных и платформенных договоров. Наследодатель может использовать совместное завещание супругов, наследственный договор, личный или посмертный наследственный фонд. В таких условиях обязательная доля способна воздействовать не только на распределение отдельных вещей, но и на устойчивость бизнеса, управление семейным капиталом и исполнение долгосрочного наследственного плана. Поэтому прежнее восприятие статьи 1149 ГК РФ как нормы о выделении части обычного имущества уже недостаточно.

Цель исследования состоит в разработке целостной модели согласования свободы завещания и социальной функции обязательной доли. Для ее достижения применены формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и функциональный методы. Исследовательская гипотеза заключается в том, что справедливый баланс достигается не расширением или сокращением перечня обя-

зательных наследников как таковым, а дифференцированной оценкой реальной нуждаемости, характера отношений с наследодателем, назначения конкретного имущества и последствий вмешательства в завещательный план.

1. Свобода завещания как форма посмертной частной автономии

Конституционная основа наследования выражена в части 4 статьи 35 Конституции Российской Федерации, гарантирующей право наследования [1]. Данная гарантия охватывает интересы как наследодателя, так и наследников: первый получает возможность распорядиться имуществом на случай смерти, вторые — правовую возможность приобрести наследство в установленном законом порядке. Конституционная конструкция не предопределяет конкретной пропорции между свободой завещания и семейной защитой, оставляя законодателю значительное пространство усмотрения. Однако любое ограничение воли собственника должно иметь легитимную цель, быть предсказуемым и соразмерным.

В цивилистическом смысле свобода завещания является специальным проявлением принципов автономии воли и неприкосновенности собственности. Ее содержание шире простого выбора наследника. Завещатель вправе создать сложную систему распоряжений, распределить объекты с учетом их функционального назначения, подназначить наследников, возложить обязанности неимущественного характера и назначить исполнителя завещания. Свобода включает также право сохранять содержание завещания в тайне и отменять либо изменять его без согласования с потенциальными правопреемниками. Следовательно, правовое значение имеет не только итоговая доля каждого наследника, но и целостность сконструированного наследодателем плана.

Ограничение свободы завещания посредством обязательной доли традиционно объясняется обязанностями семейной солидарности. Предполагается, что собственник, распоряжаясь имуществом на случай смерти, не должен полностью игнорировать материальные интересы несовершеннолетних или нетрудоспособных близких, которые при обычном развитии отношений могли рассчи-

тивать на содержание. В этой логике государство восполняет прекращение личной обязанности заботы наследодателя и преобразует ее в имущественное притязание к наследству. Вместе с тем обязательная доля не является продолжением алиментного обязательства: круг субъектов, условия возникновения, размер и порядок удовлетворения этих требований различаются.

Различие между наследственной и алиментной моделями имеет принципиальное значение. Алименты ориентированы на текущую нуждаемость и, как правило, определяются с учетом материального положения сторон. Обязательная доля возникает вследствие юридического статуса — несовершеннолетия, нетрудоспособности, супружества, родительства или иждивения — и исчисляется от гипотетической законной доли. Такая формализация повышает определенность, но порождает ситуации, когда обеспеченный обязательный наследник получает существенную часть имущества вопреки воле наследодателя, тогда как назначенный по завещанию наследник, фактически зависевший от этого имущества, утрачивает возможность им пользоваться.

2. Правовая природа обязательной доли

В доктрине обязательная доля характеризуется как ограничение свободы завещания, особое субъективное наследственное право, мера социальной защиты или компромисс между индивидуалистическим и семейно-обеспечительным началами наследования [7; 8]. Каждая характеристика отражает отдельный аспект института, но не исчерпывает его содержания. Наиболее точным представляется понимание обязательной доли как самостоятельной наследственно-правовой гарантии минимального участия в наследстве, установленной для определенных законом лиц и подлежащей индивидуальной судебной коррекции.

Эта гарантия обладает несколькими признаками. Во-первых, она имеет императивное основание и действует независимо от содержания завещания. Во-вторых, право на нее возникает только у лиц, названных в статье 1149 ГК РФ, и не передается по наследственной трансмиссии, если обязательный наследник умер, не успев реализовать его. В-тре-

тых, обязательная доля удовлетворяется из наследственной массы и потому уменьшает объем благ, предназначенных иным наследникам. В-четвертых, ее размер не всегда равен половине законной доли: в расчет включается все получаемое обязательным наследником из наследства, включая стоимость завещательного отказа [2; 4].

Обязательная доля отличается и от доли пережившего супруга в общем имуществе. Сначала определяется имущество, принадлежащее пережившему супругу на основании режима совместной собственности; лишь доля умершего входит в наследственную массу. Затем переживший супруг, если он нетрудоспособен, может дополнительно претендовать на обязательную долю. Смещение этих прав приводит к завышению или занижению наследственной массы и является распространенным источником споров. Нотариус и суд обязаны последовательно разграничивать семейно-правовое выделение супружеской доли и наследственно-правовое удовлетворение обязательного притязания.

Не следует отождествлять обязательную долю с «резервом» имущества в континентальных правопорядках. Например, германская *Pflichtteil* преимущественно сконструирована как денежное требование к наследнику, а не как автоматическое приобретение статуса сонаследника; французская *réserve héréditaire* ограничивает доступную для свободного распоряжения часть наследства [13; 14]. Российская модель сочетает вещные и стоимостные последствия: обязательный наследник призывается к наследованию, но способы раздела и компенсации могут преобразовать его интерес в денежное удовлетворение. Такая гибридность предоставляет возможности для справедливого решения, одновременно создавая неопределенность.

3. Субъектный состав обязательных наследников

Пункт 1 статьи 1149 ГК РФ относит к обязательным наследникам несовершеннолетних или нетрудоспособных детей наследодателя, его нетрудоспособных супруга и родителей, а также нетрудоспособных иждивенцев, подлежащих призванию к наследованию на основании пунктов 1 и 2 статьи 1148 ГК РФ [2].

Для лиц предпенсионного возраста законодатель распространил соответствующие правила на женщин, достигших 55 лет, и мужчин, достигших 60 лет [3]. В результате право на обязательную долю во многих случаях связывается не с доказанной утратой способности обеспечивать себя, а с формальным возрастным критерием.

Преимущество формального критерия заключается в простоте нотариальной проверки. Возраст, инвалидность, семейная связь и факт иждивения могут быть подтверждены документами, что позволяет оформить права во внесудебном порядке. Однако социальная реальность значительно сложнее. Лицо, достигшее установленного возраста, может сохранять высокую профессиональную активность и владеть значительным капиталом; напротив, более молодой наследник может иметь тяжелые ограничения жизнедеятельности, не оформленные в виде инвалидности. Жесткая привязка к статусу неизбежно порождает как избыточную, так и недостаточную защиту.

Особую сложность представляет категория иждивенцев. Право таких лиц зависит от продолжительности и характера содержания, совместного проживания в предусмотренных законом случаях и нетрудоспособности ко дню открытия наследства. Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил критерии постоянного и основного источника средств к существованию, однако оценка доказательств остается фактической и нередко противоречивой [4]. Банковские переводы сами по себе не всегда свидетельствуют об иждивении, а отсутствие регулярных безналичных платежей не исключает содержания в натуральной форме.

Субъектный состав обязательных наследников отражает презумпцию семейной ответственности наследодателя, но не учитывает качество семейной связи. Закон не требует, чтобы наследодатель фактически содержал нетрудоспособного родителя или супруга, не оценивает длительность раздельного проживания и причины прекращения отношений. Исключение составляют механизмы признания наследника недостойным и отстранения родителей, лишенных родительских прав, если они не восстановлены. Между очевидной недостойностью и формально безупреч-

ным поведением существует широкий спектр ситуаций, которые статья 1149 ГК РФ прямо не охватывает.

Представляется ошибочным превращать суд в орган моральной оценки семейной истории. Вместе с тем полное игнорирование фактической связи также несправедливо. Юридически значимыми должны быть не эмоциональные конфликты, а объективные обстоятельства: длительное уклонение от установленной обязанности по содержанию наследодателя, злоупотребление правом, насилие, подтвержденное судебными актами, либо сознательное прекращение взаимной поддержки. Такие факты могут учитываться в рамках уменьшения обязательной доли, но только при высоком стандарте доказывания.

4. Исчисление и источники удовлетворения обязательной доли

Размер обязательной доли составляет не менее половины доли, которая причиталась бы наследнику при наследовании по закону [2]. Расчет требует реконструировать гипотетическую ситуацию отсутствия завещания: установить круг законных наследников соответствующей очереди, определить состав и стоимость наследства, учесть лиц, наследующих по праву представления, а также обстоятельства, влияющие на призвание иждивенцев. Ошибка на любом этапе искажает итоговый объем обязательного притязания.

Закон устанавливает последовательность удовлетворения обязательной доли: прежде всего из незавещанной части наследства, даже если это приводит к уменьшению прав наследников по закону; при недостаточности — из завещанной части [2]. Такая очередность направлена на максимально возможное сохранение завещательных распоряжений. Однако она не всегда сохраняет функциональную структуру наследства. Если незавещанная часть состоит из доли в неделимом активе или низколиквидного имущества, формальное следование очередности способно породить нежизнеспособную общую собственность.

При определении полученного обязательным наследником учитывается все, что он получает из наследства по любому основанию, включая стоимость завещательного отказа. Следовательно, обязательная доля — это га-

рантированный стоимостный минимум, а не обязательно дополнительная доля сверх иных выгод. Данный подход препятствует двойному удовлетворению. Вместе с тем оценка не-денежных прав и длительных выгод сложна: право проживания, периодические выплаты или пользование объектом нуждаются в капитализации, методика которой законом не определена.

Стоимость наследственного имущества обычно определяется на момент открытия наследства. Но между смертью наследодателя, выдачей свидетельства и фактическим разделом может пройти значительное время, в течение которого стоимость бизнеса, ценных бумаг или цифровых активов существенно изменяется. Фиксация исторической оценки обеспечивает единство расчета, но может привести к несоразмерной фактической выгоде. Для компенсационных механизмов разумно разграничивать расчет минимального права на дату открытия наследства и определение размера денежной компенсации на дату раздела либо судебного решения.

Дополнительные сложности возникают при наличии долгов. Наследование имеет универсальный характер, а наследники отвечают по долгам наследодателя в пределах стоимости перешедшего имущества. Поэтому обязательная доля не должна исчисляться как гарантированная часть валового актива без учета обязательств. Иначе обязательный наследник получит необоснованное преимущество, а долговая нагрузка будет фактически перенесена на других наследников. Необходим единый подход к определению чистой наследственной массы после учета подлежащих удовлетворению требований кредиторов и расходов, связанных с охраной и управлением наследством.

5. Судебное уменьшение обязательной доли и отказ в ее присуждении

Пункт 4 статьи 1149 ГК РФ допускает уменьшение обязательной доли или отказ в ее присуждении, если ее осуществление повлечет невозможность передать наследнику по завещанию имущество, которым обязательный наследник при жизни наследодателя не пользовался, а наследник по завещанию пользовался для проживания либо использовал как

основной источник средств к существованию [2]. Суд учитывает имущественное положение обоих наследников. Эта норма является ключевым механизмом индивидуализации, но сформулирована чрезвычайно узко.

Закон защищает конкретную функциональную зависимость наследника от завещанию от имущества. Типичный пример — единственное жилое помещение, в котором он постоянно проживал, либо предприятие, мастерская, доля в хозяйственном обществе, служившие основой профессиональной деятельности. Сам факт того, что имущество завещано, недостаточен: требуется доказать предшествующее использование и невозможность сохранить его назначение при выделении обязательной доли. Судебная практика также исходит из необходимости сопоставлять нуждаемость сторон, а не автоматически предпочитать волю наследодателя [4; 11].

Узость нормы проявляется в том, что она ориентирована прежде всего на передачу конкретной вещи. Современное наследство нередко представляет комплекс взаимосвязанных активов: контрольный пакет акций, права на результаты интеллектуальной деятельности, корпоративные договоры, цифровые права и обязательства. Выделение обязательной доли может не лишить наследника возможности физически пользоваться вещью, но разрушить корпоративный контроль, сорвать инвестиционный проект или сделать невозможным исполнение завещательного плана. Формулировка пункта 4 статьи 1149 ГК РФ не дает ясного ответа, допустима ли судебная коррекция в таких случаях.

Имущественное положение сторон также не раскрыто законом. Следует учитывать не только стоимость принадлежащего имущества и доходы, но и наличие пригодного жилья, обязательства по содержанию детей, состояние здоровья, доступность актива для получения дохода, долговую нагрузку и возможность получить компенсацию без утраты основного источника существования. Сопоставление должно быть прозрачным: судебный акт обязан показывать, какие обстоятельства установлены и почему они оправдывают отступление от общего размера обязательной доли.

В литературе справедливо отмечается, что

судебное усмотрение по обязательной доле не должно быть произвольным [9; 10]. Полный отказ является наиболее интенсивным вмешательством в социальную гарантию и допустим лишь при очевидной несоразмерности последствий. В большинстве спорных случаев предпочтительны уменьшение доли, отсрочка выплаты компенсации, установление сервитутподобного права пользования или передача обязательному наследнику иных активов. Российское право раздела наследства уже содержит инструменты преимущественных прав и компенсации; их следует системно согласовать со статьей 1149 ГК РФ.

6. Обязательная доля и современные инструменты наследственного планирования

Совместное завещание супругов и наследственный договор расширили возможность согласовать судьбу семейного имущества. Однако право на обязательную долю сохраняет приоритет и ограничивает содержание таких распоряжений. Для совместного завещания это особенно чувствительно: после смерти первого супруга расчет производится применительно к его наследственной массе и кругу обязательных наследников, а после смерти второго — заново. В результате единый семейный план может быть последовательно скорректирован двумя самостоятельными наборами обязательных притязаний.

Наследственный фонд позволяет сохранить активы как единый комплекс и организовать длительные выплаты выгодоприобретателям. Закон предусматривает специальное соотношение статуса выгодоприобретателя и обязательного наследника: принятие выгод фонда влияет на возможность требовать обязательную долю, а отказ от выгод может открыть такое требование с учетом имущественного положения лица [2]. Эта конструкция подтверждает, что современная обязательная доля не сводится к вещной доле в каждом объекте; ее функция может быть реализована через иные имущественные предоставления.

Из этого следует общий вывод: правопрядок должен оценивать не форму предоставления, а обеспечительный результат. Если наследодатель предусмотрел для нетрудоспособного супруга пожизненное проживание,

регулярные выплаты и оплату медицинских расходов, механическое выделение дополнительной доли в капитале может быть избыточным. Напротив, номинальное указание лица выгодоприобретателем без надежных гарантий выплат не должно лишать его минимальной защиты. Требуются критерии эквивалентности и надежности альтернативного обеспечения.

Сложные активы нуждаются в преимущественно стоимостной модели обязательной доли. При наследовании бизнеса вхождение обязательного наследника в состав участников может создавать конфликт управления и снижать стоимость актива для всех. Закон должен позволять наследодателю или исполнителю завещания предусмотреть выплату эквивалента за счет ликвидных активов, страховой суммы либо доходов фонда, при условии обеспечения и разумного срока. Такое решение лучше согласует семейную защиту с сохранением экономической целостности наследства.

7. Критика формально-статусной модели

Главный дефект действующей модели состоит в автоматическом возникновении права на основании статуса при ограниченной возможности учитывать фактическую нуждимость. Формальность оправдана на нотариальной стадии, где спор отсутствует и необходима оперативность. Но в судебном споре сохранение той же жесткости нецелесообразно. Суд обладает возможностью исследовать материальное положение сторон и должен применять более содержательный тест соразмерности.

При этом отказ от формальных критериев полностью был бы опасен. Он увеличил бы число споров, затраты на доказывание и риск давления на уязвимых наследников. Поэтому оптимальна двухуровневая конструкция. На первом уровне право и минимальный расчет возникают по действующим объективным критериям. На втором уровне заинтересованный наследник по завещанию вправе требовать судебной коррекции, доказав совокупность установленных законом обстоятельств. Бремя доказывания исключительных оснований должно лежать на лице, стремящемся уменьшить гарантию.

Судебный тест целесообразно строить последовательно. Сначала устанавливается реальная обеспечительная потребность обязательного наследника: доход, имущество, жилье, здоровье, иждивенцы, доступ к социальным выплатам. Затем оценивается интенсивность вмешательства в завещательный план: утрата жилья, источника дохода, корпоративного контроля, неделимость актива, нарушение интересов других уязвимых лиц. После этого сопоставляются альтернативы — передача иного имущества, компенсация, рассрочка, ограниченное пользование, выплаты из наследственного фонда. Только невозможность менее обременительного решения должна открывать путь к отказу в присуждении.

Критерий отношений наследодателя с обязательным наследником должен применяться осторожно. Само отсутствие общения, конфликт или субъективная неблагодарность не могут отменять право. Значение могут иметь юридически подтвержденные злоупотребления и длительное виновное уклонение от обязанности содержать наследодателя, если такая обязанность была установлена законом или судебным актом. Это позволит учитывать семейную взаимность, не превращая наследственный процесс в пересмотр личных симпатий умершего.

8. Предложения *de lege ferenda*

Предлагается изложить пункт 4 статьи 1149 ГК РФ в более общей редакции, допускающей уменьшение обязательной доли или замену ее денежной либо иной компенсацией, когда удовлетворение в натуре несоразмерно нарушает законные интересы наследника по завещанию, препятствует использованию единственного жилья, основного источника дохода, сохранению предприятия или иного имущественного комплекса. Перечень должен быть открытым, но связанным с функциональной значимостью имущества.

В статье 1149 ГК РФ необходимо закрепить перечень обстоятельств, учитываемых судом: имущественное и семейное положение сторон; состояние здоровья; фактическую зависимость от спорного имущества; характер и длительность его использования; возможность предоставления эквивалента; поведе-

ние сторон, имеющее признаки злоупотребления правом; обеспеченность обязательного наследника иными завещательными предоставлениями. Перечень обеспечит единообразие, сохраняя пространство для индивидуализации.

Следует прямо разрешить отсрочку и рассрочку выплаты компенсации обязательному наследнику при наличии обеспечения — залога, банковской гарантии, страхования или выплат через наследственный фонд. Для единственного жилья срок может быть связан с прекращением права проживания наследника по завещанию либо продажей объекта при условии предоставления обязательному наследнику разумного текущего содержания. Такое регулирование снизит число вынужденных продаж и конфликтной долевой собственности.

Для активов с высокой волатильностью и действующего бизнеса целесообразно разграничить расчетную дату права и дату компенсации. Минимальный размер обязательной доли определяется на день открытия наследства, а денежная компенсация индексируется либо рассчитывается с учетом стоимости передаваемого взамен имущества на момент соглашения или решения суда. Методика должна предотвращать как обесценение гарантии, так и спекулятивное перераспределение рыночного риска.

Наконец, Федеральной нотариальной палате и Верховному Суду Российской Федерации целесообразно разработать унифицированные рекомендации по расчету обязательной доли в сложных наследственных массах. Действующие Методические рекомендации ФНП в редакции 2025 г. систематизируют нотариальную процедуру, однако развитие цифровых и корпоративных активов требует специальных примеров оценки и способов удовлетворения [6]. Судебные разъяснения должны охватить взаимодействие статьи 1149 ГК РФ с наследственными фондами, совместными завещаниями и наследственными договорами.

Заключение

Обязательная доля сохраняет необходимую социальную функцию, поскольку свобода завещания не должна оставлять без минимальной защиты несовершеннолетних и нетру-

деспособных лиц, объективно связанных с наследодателем отношениями семейного содержания. Отмена института создала бы риск переноса частной семейной ответственности на государственную систему социальной помощи. Однако существующая формально-статусная модель недостаточно чувствительна к реальной нуждаемости и к экономической структуре современного наследства.

Баланс частной автономии и семейной солидарности предполагает презумпцию сохранения обязательной доли, дополненную содержательным судебным тестом соразмерности. Суд должен искать наименее обременительный способ обеспечить обязательного наследника, максимально сохранив завеща-

тельный план. Приоритет следует отдавать эквивалентному предоставлению, компенсации и гибким срокам исполнения, а полный отказ использовать как исключительную меру.

Предлагаемая модернизация не ослабляет социальную защиту. Напротив, она переводит ее из механического распределения долей в систему адресного обеспечения. Одновременно наследодатель получает возможность планировать преемственность бизнеса и семейного капитала, а наследники — предсказуемые критерии разрешения конфликта. В таком виде обязательная доля способна выполнять роль не внешнего запрета свободы завещания, а внутреннего механизма ее социально ответственной реализации.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.08.2023).

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 нояб. 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 49. Ст. 4552.

[3] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 26 нояб. 2001 г. № 147-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 49. Ст. 4553.

[4] О судебной практике по делам о наследовании: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 (ред. от 24.12.2020) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 7.

[5] По делу о проверке конституционности положений статей 1112, 1175 и 1183 Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 мая 2025 г. № 24-П // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.08.2023).

[6] Методические рекомендации по оформлению наследственных прав: утв. решением Правления Федеральной нотариальной палаты от 25 марта 2019 г., протокол № 03/19 (ред. от 28.07.2025, протокол № 12/25). URL: <https://notariat.ru/ru-ru/publishing-center/buklety/2026/02/07/> (дата обращения: 01.08.2023).

[7] Золотов А. В. Обязательная доля в наследстве: проблемы правового регулирования // КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obyazatel'naya-dolya-v-nasledstve-problemy-pravovogo-regulirovaniya> (дата обращения: 01.08.2023).

[8] Чепурко А. А. Защита права на обязательную долю в наследстве: проблемы теории и судебной практики // Актуальные исследования. 2025. URL: <https://apni.ru/article/12537-zashita-prava-na-obyazatelnuyu-dolyu-v-nasledstve-problemy-teorii-i-sudebnoj-praktiki> (дата обращения: 01.08.2023).

[9] Сугурбеков Р. Б. Обязательная доля в наследстве как гарантия обеспечения прав социально уязвимых категорий граждан // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2024. № 4 (79). С. 101–110

[10] Любимова М. Н. Некоторые проблемные аспекты выделения обязательной доли и трансграничного наследования недвижимого имущества. URL: <https://chervets.partners/wp->

content/uploads/2025/02/lyubimova-m.n.-nekotorye-problemnye-aspekty-vydeleniya-obyazatelnoj-doli-i-transgranichnogo-nasledovaniya-nedvizhimogo-imushhestva.pdf (дата обращения: 01.08.2023).

[11] Об отказе в присуждении обязательной доли в наследстве: подборка судебной практики // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/ob_otkaze_v_prisuzhdenii_obyazatelnoj_doli_v_nasledstve/ (дата обращения: 01.08.2026).

[12] Рабец А. М. Право на обязательную долю в наследстве и проблемы его реализации в современной России // *Наследственное право*. 2024. № 2. С. 3–7.

[13] *Bürgerliches Gesetzbuch. § 2303 Pflichtteilsberechtigte; Höhe des Pflichtteils*. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/_2303.html (accessed: 01.08.2023).

[14] *Code civil. Articles 912–930-5: De la réserve héréditaire et de la quotité disponible*. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGISCTA0000006136324/> (accessed: 01.08.2023).

[15] Белов В. А. *Наследственное право: учебник для вузов*. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2024. 404 с.

[16] Гришаев С. П. *Наследственное право: учебно-практическое пособие*. Москва: Проспект, 2023. 184 с.

References:

[1] *Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (as amended)* // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed: August 1, 2023).

[2] *Civil Code of the Russian Federation (Part Three) of November 26, 2001, No. 146-FZ (as amended on August 8, 2024)* // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 49. Article 4552.

[3] *On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law of November 26, 2001, No. 147-FZ (as amended on December 25, 2023)* // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 49. Article 4553.

[4] *On judicial practice in inheritance cases: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 29, 2012, No. 9 (as amended on December 24, 2020)* // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2012. No. 7.

[5] *On the case of verifying the constitutionality of the provisions of Articles 1112, 1175, and 1183 of the Civil Code of the Russian Federation: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 29, 2025, No. 24-P* // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru> (date accessed: August 1, 2023).

[6] *Methodological recommendations for the registration of inheritance rights: approved. By the decision of the Board of the Federal Notary Chamber dated March 25, 2019, protocol No. 03/19 (as amended on July 28, 2025, protocol No. 12/25)*. URL: <https://notariat.ru/ru-ru/publishing-center/buklety/2026/02/07/> (accessed on August 1, 2023).

[7] Zolotov A. V. *Compulsory share in inheritance: problems of legal regulation* // CyberLeninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obyazatelnaya-dolya-v-nasledstve-problemy-pravovogo-regulirovaniya> (accessed on August 1, 2023).

[8] Chepurko A. A. *Protection of the right to a compulsory share in inheritance: problems of theory and judicial practice* // Current research. 2025. URL: <https://apni.ru/article/12537-zashita-prava-na-obyazatelnuyu-dolyu-v-nasledstve-problemy-teorii-i-sudebnoj-praktiki> (date of access: 01.08.2023).

[9] Sugurbekov R. B. *Compulsory share in inheritance as a guarantee of ensuring the rights of socially vulnerable categories of citizens* // Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. 2024. No. 4 (79). P. 101–110

[10] Lyubimova M. N. *Some problematic aspects of the allocation of a compulsory share and cross-border inheritance of real estate*. URL: <https://chervets.partners/wp-content/uploads/2025/02/>

lyubimova-m.n.-nekotorye-problemnye-aspekty-vydeleniya-obyazatelnoj-doli-i-transgranichnogo-nasledovaniya-nedvizhimogo-imushchestva.pdf (accessed: 01.08.2023).

[11] On the refusal to award a compulsory share in an inheritance: a selection of judicial practice // ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/ob_otkaze_v_prisuzhdenii_obyazatelnoj_doli_v_nasledstve/ (accessed: 01.08.2026).

[12] Rabets A. M. The Right to a Compulsory Share in Inheritance and the Problems of Its Implementation in Modern Russia // *Inheritance Law*. 2024. No. 2. pp. 3–7.

[13] Bürgerliches Gesetzbuch. § 2303 Pflichtteilsberechtigte; Höhe des Pflichtteils. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/_2303.html (accessed: 01.08.2023).

[14] Code civil. Articles 912–930-5: De la reserve héréditaire et de la quotité disponible. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGISCTA000006136324/> (accessed: 01.08.2023).

[15] Belov V. A. *Inheritance Law: Textbook for Universities*. 2nd edition, revised and expanded. Moscow: Yurait, 2024. 404 p.

[16] Grishaev S. P. *Inheritance Law: Textbook and Practical Manual*. Moscow: Prospect, 2023. 184 p.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ЭРИАШВИЛИ Н.Д.,

*кандидат юридических наук, кандидат исторических наук,
доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса
Московского ордена Почета университета МВД России имени В.Я. Кикотя;
профессор кафедры частного права Государственного университета управления;
главный научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН;
председатель Международной коллегии адвокатов города Москвы «Закон и право»,
почетный работник сферы образования РФ, лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники, лауреат премии Правительства РФ в области образования,
адвокат, почетный адвокат России,
e-mail: mail@law-books.ru*

СОВМЕСТНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ СУПРУГОВ В СИСТЕМЕ РАСПОРЯЖЕНИЙ НА СЛУЧАЙ СМЕРТИ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ПРЕДЕЛЫ АВТОНОМИИ

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию совместного завещания супругов, введенного в российское наследственное право как инструмент согласованного распоряжения семейным имуществом. Рассматриваются его место среди односторонних сделок, соотношение личного и согласованного волеизъявления супругов, пределы изменения и отмены, последствия прекращения брака, особенности определения супружеских долей и открытия двух наследств. Выявлено внутреннее противоречие между квалификацией совместного завещания как односторонней сделки и наличием двух взаимосвязанных волеизъявлений. Проанализированы риски одностороннего разрушения наследственного плана, недостаточная защищенность ожиданий наследников, проблемы тайны завещания и нотариального уведомления, а также конкуренция с наследственным договором. Обоснована концепция «координированного завещательного акта», предложены правила о неизменяемом ядре распоряжений после смерти первого супруга, обязательном нотариальном разъяснении сценариев отмены и цифровой фиксации волеизъявления.

Ключевые слова: совместное завещание супругов, наследование по завещанию, свобода завещания, односторонняя сделка, семейное имущество, супружеская доля, отмена завещания, наследственное планирование, нотариус, наследственный договор.

ERIASHVILI N.D.,

*Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Professor in the Department of Civil and Labor Law and Civil Procedure
Moscow Order of Honor, Kikot University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
Professor in the Department of Private Law, State University of Management;
Chief Researcher, Central Economics and Mathematics Institute,
Russian Academy of Sciences; Chairman of the International Bar Association
of Moscow "Law and Right", Honorary Worker of the Russian Federation in Education,
Laureate of the Russian Federation Government Prize
in Science and Technology, Laureate of the Russian Federation
Government Prize in Education, Lawyer, Honorary Lawyer of Russia*

JOINT WILLS OF SPOUSES IN THE SYSTEM OF MORTIS CAUSA DISPOSITIONS: LEGAL NATURE AND LIMITS OF AUTONOMY

Annotation. *The article provides a comprehensive study of the joint will of spouses as an instrument for coordinated disposition of family property. It examines the joint will's place among unilateral transactions, the relationship between personal and coordinated intent, limits on amendment and revocation, the consequences of divorce, the determination of marital shares, and the opening of two separate estates. The paper identifies an internal contradiction between treating the joint will as a unilateral transaction and the existence of two interdependent declarations of intent. It analyzes the risks of unilateral disruption of the estate plan, weak protection of heirs' expectations, confidentiality and notarial notification issues, and competition with inheritance agreements. The article proposes the concept of a "coordinated testamentary act," an irrevocable core after the first spouse's death, enhanced notarial disclosure, and digital recording of intent.*

Key words: *joint will of spouses, testamentary succession, testamentary freedom, unilateral transaction, family property, marital share, revocation of will, estate planning, notary, inheritance agreement.*

Введение

Появление совместного завещания супругов стало одним из наиболее заметных изменений российского наследственного права последних лет. С 1 июня 2019 г. супруги получили возможность в одном нотариальном акте определить последствия смерти каждого из них, в том числе судьбу общего имущества, имущества каждого супруга, очередность перехода активов и круг наследников [2; 3]. Институт был призван преодолеть ограничения двух разрозненных личных завещаний, которые не позволяют сформировать единый и понятный семейный план.

Практическая привлекательность совместного завещания очевидна. Супруги могут согласовать переход семейного жилья пережившему супругу, а после его смерти — детям; сохранить неделимый бизнес; учесть детей от разных браков; определить доли в общем имуществе; сократить риск конкурирующих толкований отдельных завещаний. Вместе с тем новая конструкция столкнулась с фундаментальными принципами наследственного права: личным характером завещания, свободой его отмены, тайной завещания и недопустимостью возникновения наследственных прав до открытия наследства.

Нормативная модель содержит компромисс. Совместное завещание признается односторонней сделкой, к супругам применяются правила о завещателе, однако воля формируется двумя лицами и удостоверяется при их совместном присутствии [2]. Каждый супруг сохраняет возможность совершить последующее личное завещание; при жизни обоих один из них вправе отменить совмест-

ное завещание, а нотариус должен уведомить второго супруга о соответствующем действии. После смерти первого супруга свобода пережившего супруга также не исчезает, что способно изменить рассчитанный супругами конечный результат.

Цель настоящей статьи — определить юридическую природу совместного завещания, выявить противоречия действующей модели и предложить способы усиления предсказуемости без превращения завещания в неотменяемый договор. Используются формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы. Основной тезис состоит в том, что совместное завещание следует понимать как координированный завещательный акт: два личных распоряжения образуют единую документальную и целевую конструкцию, но сохраняют самостоятельность в пределах, совместимых с уже открывшимся наследством.

1. Предпосылки введения совместного завещания

Классическое российское право исходило из строго индивидуального характера завещания. Запрет совершать одно завещание двумя или более лицами обеспечивал личность волеизъявления и свободу его отмены. Однако для супругов индивидуальные завещания не решали задачу взаимосвязанного планирования. Каждый мог в любое время тайно изменить свое распоряжение, вследствие чего взаимные ожидания не имели правовой защиты. Даже идентичные по содержанию завещания оставались юридически независимыми.

Потребность в согласованной модели особенно заметна в смешанных семьях и при на-

личии сложных активов. Например, супруги желают обеспечить пожизненное проживание пережившего супруга в доме, сохранив конечный переход дома детям первого супруга; либо передать пережившему супругу доход от бизнеса, а корпоративный контроль — подготовленному наследнику. Два самостоятельных завещания способны описать эти цели, но не создают единого механизма и увеличивают риск противоречий.

Совместное завещание стало частью более широкой реформы наследственного планирования, включающей наследственные фонды и наследственный договор. Законодатель стремился предложить гражданам инструменты, позволяющие заранее упорядочить семейное и предпринимательское преемство. При этом российская модель сохранила приоритет свободы завещания, отказавшись от полностью связывающего взаимного завещания, известного некоторым иностранным правовым порядкам [14; 15].

Реформа имеет также превентивную направленность. Совместное обсуждение имущества при участии нотариуса позволяет выявить режим собственности, обязательных наследников, долговую нагрузку и последствия смерти каждого супруга. Тем самым завещание становится не только актом распределения, но и процедурой юридической инвентаризации семейного капитала. Однако превентивный потенциал реализуется лишь при качественном нотариальном разъяснении и ясном тексте распоряжений.

2. Правовая природа: одна сделка или совокупность распоряжений

Пункт 5 статьи 1118 ГК РФ относит завещание, включая совместное завещание супругов, к односторонним сделкам [2]. Формально это означает, что для возникновения правовых последствий после смерти не требуется согласия наследников. Но классическая односторонняя сделка совершается волей одного лица, тогда как совместное завещание невозможно без согласованных волеизъявлений обоих супругов. Возникает различие между количеством сторон сделки и количеством лиц, выражающих волю на одной стороне.

Возможна квалификация супругов как множественности лиц на стороне завещателя.

Такой подход сохраняет односторонний характер по отношению к наследникам и иным третьим лицам. Однако он не объясняет, почему каждый супруг вправе односторонне разрушить согласованный акт и как отделить распоряжения одного супруга от распоряжений другого. Если все положения образуют одну сделку, отмена одним участником должна затрагивать ее целиком; если же это два завещания в одном документе, термин «совместное» становится преимущественно процедурным.

В литературе представлены различные позиции: совместное завещание рассматривается как особая односторонняя сделка, как сложный юридический состав, как две взаимосвязанные односторонние сделки либо как квазидоговорное распоряжение [7–10]. Договорная квалификация привлекательна наличием согласования, но противоречит отсутствию встречных обязанностей и тому, что наследственные последствия возникают не между супругами, а после смерти каждого. Кроме того, закон прямо исключает применение к завещанию общих правил о договорах.

Представляется обоснованной категория координированного завещательного акта. Она фиксирует три признака. Во-первых, каждый супруг лично выражает волю в отношении собственного наследства. Во-вторых, эти распоряжения функционально взаимосвязаны общей целью и помещены в единый документ. В-третьих, до смерти первого супруга координация обратима, но после открытия первого наследства часть общего плана приобретает окончательность, поскольку права на имущество умершего уже возникли.

Такая квалификация позволяет избежать крайностей. Совместное завещание не превращается в договор и не создает прижизненных прав у наследников, но его согласованный характер получает юридическое значение при толковании и определении последствий последующих распоряжений. Суд и нотариус должны стремиться сохранить исполнимую часть общего плана, отделяя ее от положений, утративших силу вследствие законной отмены или последующего завещания.

3. Предмет совместного завещания и структура наследственных масс

Супруги вправе определить последствия

смерти каждого из них, в том числе наступившей одновременно, завещать общее имущество и имущество каждого любым лицам, определить доли наследников, включить завещательные отказы и возложения, лишить наследства наследников по закону без указания причин [2]. При этом сохраняются ограничения, связанные с обязательной долей, недостойными наследниками и запретом противоречащих закону распоряжений.

Единый документ не объединяет имущество супругов в одну наследственную массу. После смерти первого супруга открывается наследство, включающее принадлежавшее ему личное имущество и его долю в общем имуществе. Пережившему супругу принадлежит собственная доля, если ее размер не изменен в установленном законом порядке. После смерти второго супруга открывается другое наследство с иным составом, временем оценки, кругом кредиторов и обязательных наследников. Любая формулировка о «передаче всего имущества после смерти обоих» должна быть разложена на два последовательных правопреемства.

Совместное завещание способно определить доли супругов в общем имуществе, что сближает его с брачным договором, но действует только на случай смерти. Это создает сложную связь семейного и наследственного права. Если супруги изменили режим имущества брачным договором после удостоверения завещания, нотариусу предстоит установить, сохраняется ли завещательное распределение применительно к новому составу прав. Предпочтительно толковать завещание исходя из конкретной воли и актуального режима, не приписывая супругам распоряжение уже не принадлежащим им имуществом.

Особого внимания требуют доли в хозяйственных обществах. Совместное завещание может распределить экономическую ценность между членами семьи, но переход корпоративных прав зависит от устава и закона. Назначение наследника не гарантирует его вступления в общество; при отказе участников наследник получает действительную стоимость доли. Поэтому завещательный план должен содержать альтернативные распоряжения и предусматривать исполнителя завещания, способного управлять активом в пере-

ходный период.

Неделимое жилье также нуждается в точной конструкции. Формула «дом остается пережившему супругу, а затем детям» не создает автоматически последовательного наследования одного и того же права, если переживший супруг становится полным собственником и вправе отчуждать имущество. Для достижения цели возможны завещательный отказ, наследственный фонд, ограниченное вещное право в предусмотренных законом случаях либо передача собственности детям с правом проживания супруга. Нотариус обязан разъяснить различие между моральным пожеланием и юридически обеспеченным обременением.

4. Форма и нотариальная процедура

Совместное завещание может быть удостоверено только нотариусом. Оно не допускается в чрезвычайных обстоятельствах, не может быть закрытым и не приравнивается к завещаниям, удостоверяемым иными должностными лицами [2; 4]. Повышенная форма объясняется необходимостью проверить брак, дееспособность обоих супругов, добровольность, понимание последствий и согласованность текста.

Закон предусматривает видеофиксацию процедуры, если супруги не заявили возражение [2]. Видеозапись имеет существенное доказательственное значение при последующем оспаривании: она позволяет оценить последовательность разъяснений, отсутствие давления и способность каждого супруга воспринимать содержание документа. Вместе с тем запись не должна превращаться в формальный ритуал. Необходимо фиксировать индивидуальные ответы супругов на ключевые вопросы, особенно когда один из них значительно старше, болен или зависит от другого.

Присутствие обоих супругов не устраняет риск доминирования. Семейные отношения могут включать экономическую и психологическую зависимость, не проявляющуюся при краткой нотариальной беседе. Поэтому целесообразно предусмотреть обязательное отдельное конфиденциальное собеседование нотариуса с каждым супругом до подписания. Его цель — не разрушить совместность, а убедиться, что согласие свободно и каждый понимает право на самостоятельное завещание.

Нотариальная процедура должна включать сценарное разъяснение. Супругам необходимо показать последствия четырех событий: смерти первого супруга; смерти второго; одновременной смерти; изменения или отмены распоряжений одним супругом. Следует отдельно разъяснять обязательную долю, долги, выделение супружеской доли, возможность продажи имущества пережившим супругом и пределы прав конечных наследников. Подтверждение такого разъяснения целесообразно включать в текст завещания и видеозапись.

5. Тайна завещания и обязанность уведомления

Тайна завещания защищает частную автономию и предотвращает давление со стороны потенциальных наследников. В совместном завещании абсолютная тайна между супругами невозможна: они совместно обсуждают и подписывают текст. Однако тайна сохраняется по отношению к третьим лицам, а после смерти одного супруга закон допускает раскрытие содержания в объеме, необходимом для оформления наследства.

Особая проблема возникает при последующем завещании или отмене. Если при жизни обоих супругов один из них совершает последующее личное завещание либо отменяет совместное, удостоверивший действие нотариус направляет уведомление другому супругу [2]. Уведомление защищает его от ложного представления о сохранении согласованного плана, но одновременно ограничивает тайну нового завещания. Закон разрешает сообщить факт действия, не раскрывая содержание последующего распоряжения.

Эта конструкция требует надежного информационного обмена между нотариусами через единую информационную систему нотариата. Уведомление должно быть подтверждено, а при невозможности вручения — направлено предусмотренными способами с фиксацией попыток. Иначе второй супруг может продолжать действовать в уверенности, что совместный план сохранен. Методические рекомендации ФНП в редакции 2025 г. важны для унификации нотариальных действий, но вопросы доказательственного значения уведомления нуждаются в дополнительной детализации [6].

Нарушение обязанности уведомить не должно автоматически восстанавливать отменное завещание: воля на отмену остается действительной. Однако виновное нарушение может повлечь ответственность нотариуса за убытки, если второй супруг, полагаясь на сохранение плана, не принял доступных мер наследственного планирования. Для этого потребуются доказать причинную связь, что на практике сложно. Целесообразно законодательно закрепить презумпцию своевременности уведомления при внесении сведений в электронную систему и отправке по подтвержденным каналам.

6. Отмена, последующее завещание и смерть первого супруга

При жизни обоих супругов каждый вправе отменить совместное завещание или совершить последующее завещание [2]. Такое решение соответствует принципу свободы завещания, но делает согласованный акт уязвимым. Супруг не получает гарантии, что его встречное распоряжение сохранится. Следовательно, совместное завещание создает координацию воли, но не юридически защищенное доверие, сопоставимое с договорным обязательством.

После смерти первого супруга совместное завещание исполняется в части его наследства. Переживший супруг не может изменить волю умершего и распорядиться принадлежавшими ему активами как собственными, если они перешли другим наследникам. Однако он вправе совершить новое завещание в отношении собственного имущества и активов, которые получил в наследство. Это право способно изменить конечный переход имущества, если исходный план предполагал, что после смерти пережившего супруга активы достанутся определенным детям.

Проблема особенно остра при взаимных распоряжениях. Первый супруг мог назначить второго наследником, рассчитывая, что тот впоследствии передаст имущество общим детям. После получения наследства переживший супруг способен отчуждать активы при жизни и завещать остаток иным лицам. Совместное завещание само по себе не создает фидеикомиссарной субституции и не ограничивает правомочия собственника. Наследники

второй очереди плана имеют лишь ожидание.

Законодатель сознательно сохранил свободу пережившего супруга, поскольку жизненные обстоятельства меняются: появляются новые иждивенцы, меняется здоровье, имущество требуется продать, наследник совершает недостойные действия. Полная неотменяемость могла бы несправедливо связать лицо на десятилетия. Но отсутствие любой защиты согласованного ядра снижает самостоятельную ценность института и делает его близким к двум обычным завещаниям.

Компромисс возможен через выделение взаимозависимых распоряжений. Супруги при удостоверении могли бы прямо отметить положения, которые они считают обусловленными встречным предоставлением: например, назначение друг друга наследниками при условии конечного перехода определенного актива детям. После смерти первого супруга такие положения становились бы ограниченно неизменяемыми, если переживший супруг принял выгоду. Для изменения потребовалось бы доказать существенное изменение обстоятельств и обеспечить интересы конечных наследников.

7. Прекращение брака и недействительность

Совместное завещание утрачивает силу при расторжении брака или признании брака недействительным как до, так и после смерти одного из супругов [2]. Правило исходит из того, что супружеский статус является необходимой предпосылкой согласованного распоряжения. После развода презюмируется исчезновение общей семейной цели.

Автоматическая утрата силы после смерти одного супруга вызывает вопросы. Если брак признан недействительным посмертно, уже оформленные наследственные права могут быть пересмотрены. Это защищает законность, но способно затронуть добросовестных наследников и третьих лиц. Следует различать недействительность брака вследствие фиктивности или двоебрачия и формальные нарушения, о которых супруги не знали. Правовые последствия для исполненной части завещания должны учитывать добросовестность и стабильность оборота.

Развод также не всегда означает отказ от

всех завещательных намерений. Бывшие супруги могут сохранять общий бизнес, совместно воспитывать ребенка и желать прежнего распределения имущества. Однако после расторжения брака они вправе немедленно совершить самостоятельные завещания, воспроизводящие нужные положения. Автоматическая утрата силы оправдана необходимостью ясного правила, но нотариусы и суды должны информировать граждан о последствиях развода для наследственного плана.

Сложнее ситуация, когда решение о разводе принято, но не вступило в силу к моменту смерти, либо супруги фактически прекратили отношения. Формально брак сохраняется и совместное завещание действует. Российское право не связывает наследственные последствия с фактическим распадом семьи, что обеспечивает определенность. Исключения возможны через признание наследника недостойным или оспаривание завещания, но не путем свободной оценки качества брака.

8. Оспаривание и толкование совместного завещания

Основания недействительности совместного завещания включают общие пороки сделки и специальные нарушения формы, дееспособности, личного совершения и совместного присутствия. Оспаривание может касаться воли одного супруга, не затрагивая волю другого. Возникает вопрос о делимости: сохраняется ли акт в части распоряжений второго супруга.

Применение общего правила о недействительности части сделки возможно, если предполагается, что завещание было бы совершено и без недействительной части. Для совместного завещания этот тест требует особой осторожности. Взаимные распоряжения могут быть причинно связаны, и устранение одного изменит экономический баланс. Суд должен исследовать текст, нотариальные разъяснения, видеозапись и общую цель супругов. Презумпция сохранения действительной части допустима лишь при отсутствии доказанной взаимозависимости.

Толкование завещания ориентировано на буквальный смысл слов и сопоставление положений, а при неясности — на наиболее полное осуществление предполагаемой воли

завещателя [2; 4]. В совместном завещании необходимо установить общую согласованную волю и личную волю каждого супруга применительно к его имуществу. При конфликте приоритет имеет юридически допустимая воля собственника конкретного актива.

Для снижения споров текст должен быть сценарным и объектно определенным. Вместо неопределенной фразы «после смерти обоих супругов имущество переходит детям» следует указывать, какие права переходят после первой смерти, что сохраняется у пережившего супруга, вправе ли он отчуждать имущество, какие обременения возникают и что происходит при смерти назначенного наследника. Типовые нотариальные формулы не должны заменять индивидуальное проектирование.

9. Соотношение с наследственным договором

Наследственный договор позволяет наследодателю и потенциальными наследниками согласовать условия перехода имущества и возложить на стороны обязанности. В отличие от совместного завещания он имеет договорную природу, может предусматривать прижизненные действия и дает контрагентам знание содержания. Для супругов закон допускает наследственный договор с участием обоих, что создает прямую конкуренцию инструментов [2].

Совместное завещание предпочтительно, когда супруги хотят координировать волю, но не связывать наследников и не раскрывать им план. Наследственный договор полезнее, если требуется возложить обязанности по уходу, финансированию, управлению бизнесом или содержанию имущества. При этом наследодатель сохраняет значительную свободу распоряжения имуществом при жизни, что ограничивает обеспеченность ожиданий контрагента.

Выбор инструмента должен основываться не на формальной простоте, а на типе доверия. Совместное завещание строится на доверии между супругами; наследственный договор — на согласовании с будущими приобретателями. Возможна комбинация, но она увеличивает риск коллизий. Закон устанавливает приоритет более поздних распоряжений и специальные последствия, однако нотари-

альное наследственное планирование должно стремиться к единой непротиворечивой архитектуре.

Необходимо разработать стандарт сравнительного информирования. До удостоверения совместного завещания нотариус должен разъяснить супругам различия с двумя личными завещаниями и наследственным договором: отменяемость, уведомление, права наследников, возможность обязанностей, последствия смерти и развода. Подписанная карта выбора инструмента повысит осознанность и будет доказательством надлежащего разъяснения.

10. Сравнительно-правовые ориентиры

Германское право допускает *gemeinschaftliches Testament* супругов, включая распространенную «берлинскую» модель, при которой супруги назначают друг друга наследниками, а после смерти пережившего имущество переходит конечным наследникам [14]. Взаимосвязанные распоряжения после смерти одного супруга могут приобретать обязательность, хотя закон предусматривает способы отказа от принятого наследства и иные механизмы освобождения. Эта модель сильнее защищает доверие к общему плану.

В англо-американской традиции различаются *joint wills* и *mutual wills*. Сам факт единого документа не всегда создает договорную связанность; для ограничения изменения требуется доказать соглашение и доверительную обязанность. Судебная защита может выражаться в *constructive trust* в отношении имущества, полученного вопреки взаимному плану [15]. Подход показывает, что проблема решается не только наследственными нормами, но и средствами защиты оправданного доверия.

Прямое заимствование иностранных конструкций невозможно из-за различий в системе собственности и наследования. Тем не менее сравнительный опыт подтверждает: совместное распоряжение приобретает самостоятельный смысл лишь тогда, когда право различает свободно отменяемые и взаимозависимые положения. Российская модель пока почти не проводит такого различия, предпочитая максимальную свободу пережившего супруга.

11. Направления совершенствования законодательства

Первое предложение состоит в законодательном признании совместного завещания координированным завещательным актом, включающим личные и взаимозависимые распоряжения. Супруги должны иметь право прямо обозначить взаимозависимость отдельных положений. До смерти обоих любой супруг сохраняет право отмены с уведомлением; после смерти первого принятие пережившим супругом существенной выгоды активизирует ограниченную связанность по обозначенному ядру.

Второе предложение — установить судебный механизм изменения связанного положения при существенном изменении обстоятельств. Основаниями могут быть тяжелая болезнь, появление обязательного наследника, противоправное поведение конечного наследника, объективная необходимость отчуждения имущества, утрата его экономического назначения. Суд должен стремиться сохранить эквивалент первоначального плана, а не буквально удерживать конкретную вещь.

Третье предложение касается нотариальной процедуры. Следует сделать обязательными отдельные конфиденциальные беседы с каждым супругом, видеозапись ключевых разъяснений без возможности полного отказа от фиксации, а также письменную сценарную карту последствий. Отказ от видеозаписи может сохраняться только при уважительной причине и с подробной записью нотариуса.

Четвертое предложение — цифровая маркировка совместного завещания и всех последующих действий в Единой информационной системе нотариата. Второй супруг должен иметь возможность подтвердить получение уведомления через нотариуса, портал государственных услуг или иной защищенный канал. Содержание нового личного завещания не раскрывается, но факт изменения общего плана фиксируется надежно.

Пятое предложение связано с разделением

наследственных масс. Закон или разъяснения Верховного Суда должны содержать алгоритм исполнения совместного завещания после первой и второй смерти: выделение супружеской доли, определение личного имущества, обязательной доли, долгов, взаимозависимых распоряжений и судьбы имущества, перешедшего пережившему супругу. Такой алгоритм особенно необходим для бизнеса, недвижимости и активов, обремененных правами третьих лиц.

Заключение

Совместное завещание супругов занимает промежуточное положение между двумя личными завещаниями и наследственным договором. Оно остается распоряжением на случай смерти и не должно создавать прижизненных прав у наследников, но его согласованная природа не может быть сведена к техническому размещению двух волеизъявлений в одном документе. Общая цель супругов имеет значение для формы, толкования, отмены и исполнения.

Действующая модель предоставляет широкую свободу каждому супругу, но слабо защищает доверие к совместному плану после смерти первого. В результате инструмент не всегда обеспечивает тот уровень предсказуемости, ради которого он выбирается. Полная неотменяемость была бы чрезмерной, однако ограниченно неизменяемое ядро взаимозависимых распоряжений способно согласовать свободу пережившего супруга с уважением к уже исполненной воле умершего.

Развитие института должно идти не по пути усложнения формальных требований ради самих требований, а через повышение осознанности и сценарной определенности. Координированный завещательный акт, качественная нотариальная процедура, цифровая фиксация и судебная возможность адаптации к существенным изменениям позволят превратить совместное завещание в полноценный инструмент семейного наследственного планирования.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.08.2023).

- [2] Гражданский кодекс Российской Федерации (части первая и третья) от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ и от 26 нояб. 2001 г. № 146-ФЗ (действующие редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301; 2001. № 49. Ст. 4552.
- [3] О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 30. Ст. 4552.
- [4] О судебной практике по делам о наследовании: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 (ред. от 24.12.2020) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 7.
- [5] Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февр. 1993 г. № 4462-I (действующая редакция) // Российская газета. 1993. 13 марта.
- [6] Методические рекомендации по оформлению наследственных прав: утв. решением Правления Федеральной нотариальной палаты от 25 марта 2019 г., протокол № 03/19 (ред. от 28.07.2025, протокол № 12/25). URL: <https://notariat.ru/ru-ru/publishing-center/buklety/2026/02/07/> (дата обращения: 01.08.2023).
- [7] Закиров Р. Ю. Понятие и сущность совместного завещания супругов // КиберЛенинка. 2024. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-suschnost-sovmestnogo-zaveschaniya-suprugov> (дата обращения: 01.08.2023).
- [8] Цокур Л. А. Совместное завещание и наследственный договор: соотношение правовых конструкций // Наследственное право. 2024. № 3. С. 14–16.
- [9] Малетина К. А. Институт совместного завещания супругов в российском наследственном праве // Правовой бюллетень. 2023. № 4. С. 105–112.
- [10] Шахвалиева А. М. Проблемы применения совместного завещания супругов в современных правовых реалиях // Human Progress. 2024. Т. 10. Вып. 10. URL: https://progress-human.com/images/2024/Tom10_10/Shakhvalieva.pdf (дата обращения: 01.08.2023).
- [11] Совместное завещание супругов: проблемы и перспективы развития // SciUp. URL: <https://sciup.org/sovmestnoe-zaveshhanie-suprugovproblemy-i-perspektivy-razvitija-170200222> (дата обращения: 01.08.2023).
- [12] Актуальные проблемы совместного завещания супругов // Lawinfo.ru. 2024. URL: <https://lawinfo.ru/articles/5729/aktualnye-problemy-sovmestnogo-zaveshhaniya-suprugov> (дата обращения: 01.08.2023).
- [13] Правовые аспекты совместного завещания супругов // Universum: экономика и юриспруденция. URL: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/22854> (дата обращения: 01.08.2023).
- [14] Bürgerliches Gesetzbuch. §§ 2265–2273 Gemeinschaftliches Testament. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/> (accessed: 01.08.2023).
- [15] Kerridge R. Parry and Kerridge: *The Law of Succession*. 14th ed. London: Sweet & Maxwell, 2020. 688 p.
- [16] Белов В. А. Наследственное право: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2024. 404 с.
- [17] Гришаев С. П. Наследственное право: учебно-практическое пособие. Москва: Проспект, 2023. 184 с.

References:

- [1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (as amended) // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed: August 1, 2023).
- [2] Civil Code of the Russian Federation (Parts One and Three) of November 30, 1994 No. 51-FZ and of November 26, 2001 No. 146-FZ (current versions) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301; 2001. No. 49. Art. 4552.

[3] *On Amendments to Article 256, Part One and Part Three of the Civil Code of the Russian Federation: Federal Law of July 19, 2018 No. 217-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2018. No. 30. Article 4552.*

[4] *On Judicial Practice in Inheritance Cases: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 29, 2012 No. 9 (as amended on December 24, 2020) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2012. No. 7.*

[5] *Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries Public of February 11, 1993 No. 4462-I (current version) // Rossiyskaya Gazeta. March 13, 1993.*

[6] *Methodological recommendations for the registration of inheritance rights: approved by the decision of the Board of the Federal Notary Chamber dated March 25, 2019, protocol No. 03/19 (as amended on July 28, 2025, protocol No. 12/25). URL: <https://notariat.ru/ru-ru/publishing-center/buklety/2026/02/07/> (accessed: August 1, 2023).*

[7] Zakirov R. Yu. *Concept and essence of a joint will of spouses // CyberLeninka. 2024. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-suschnost-sovmestnogo-zaveschaniya-suprugov> (accessed: August 1, 2023).*

[8] Tsokur L. A. *Joint Will and Inheritance Contract: The Relationship of Legal Structures // Inheritance Law. 2024. No. 3. pp. 14–16.*

[9] Maletina K. A. *The Institute of Joint Wills of Spouses in Russian Inheritance Law // Legal Bulletin. 2023. No. 4. pp. 105–112.*

[10] Shakhvalieva A. M. *Problems of Applying Joint Wills of Spouses in Modern Legal Realities // Human Progress. 2024. Vol. 10. Issue 10. URL: https://progress-human.com/images/2024/Tom10_10/Shakhvalieva.pdf (accessed: 01.08.2023).*

[11] *Joint Wills of Spouses: Problems and Development Prospects // SciUp. URL: <https://sciup.org/sovestnoe-zaveshhanie-suprugovproblemy-i-perspektivy-razvitiya-170200222> (accessed: 01.08.2023).*

[12] *Current issues of joint wills of spouses // Lawinfo.ru. 2024. URL: <https://lawinfo.ru/articles/5729/aktualnye-problemy-sovmestnogo-zaveshhaniya-suprugov> (accessed: 01.08.2023).*

[13] *Legal aspects of joint wills of spouses // Universum: economics and jurisprudence. URL: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/22854> (accessed: 01.08.2023).*

[14] *Bürgerliches Gesetzbuch. §§ 2265–2273 Gemeinschaftliches Testament. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/> (accessed: 01.08.2023).*

[15] Kerridge R. Parry and Kerridge: *The Law of Succession. 14th ed. London: Sweet & Maxwell, 2020. 688 p.*

[16] Belov V. A. *Inheritance Law: a textbook for universities. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: URAYT, 2024. 404 p.*

[17] Grishaev S. P. *Inheritance Law: a teaching aid. Moscow: Prospect, 2023. 184 p.*

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.04.2024 г.
Дата принятия рукописи к печати: 25.06.2024 г.

DOI: 10.24412/3034-4395-2024-2-46-50

ЛУТОВИНОВА Наталья Викторовна,
старший преподаватель, Юридический факультет,
Российский государственный социальный университет,
e-mail: Nlutovinova@mail.ru

ДОГОВОР ДОВЕРИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫМИ ПРАВАМИ

Аннотация. В рамках настоящей статьи автором рассматривается договор доверительного управления исключительными правами в системе гражданско-правовых обязательств в Российской Федерации. В настоящей статье договор доверительного управления исключительными правами анализируется с точки зрения его места и роли во всей системе гражданско-правовых обязательств, благодаря чему выявляются некоторые практические проблемы его применения и предлагается некоторые пути решения этой проблемы.

Ключевые слова: договор доверительного управления, исключительные права, гражданское право, доверительный управляющий.

LUTOVINOVA Natalya Viktorovna,
Senior lecturer, Faculty of Law,
Russian State Social University

THE CONTRACT OF TRUST MANAGEMENT OF EXCLUSIVE RIGHTS

Annotation. Within the framework of this article, the author considers the contract of trust management of exclusive rights in the system of civil obligations in the Russian Federation. In this article, the contract of trust for exclusive rights is analyzed in terms of its place and role in the entire system of civil obligations, thanks to which some practical problems of its application are identified and some ways to solve this problem are proposed.

Key words: trust agreement, exclusive rights, civil law, trustee.

За последние годы договоры доверительного управления в отношении результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации все чаще упоминаются в судебных спорах о природе таких договоров. Вместе с тем, до сих пор ни в судебной практике, ни в научных трудах до сих пор не выработаны единого мнения по рассматриваемому вопросу.

Рассматривая правовую природу договора, нельзя не определить его место в системе обязательств существующих гражданских правоотношений, как подметил В.В. Витрянский [2]. Исходя из вышесказанного, представля-

ется целесообразным исследовать правовую природу договора доверительного управления исключительными правами, анализировать его отличительные правовые характеристики, а также изучить проблемы применения и классификации таких договоров в судебной практике [3]. Договор доверительного управления исключительными правами следует отнести к условной группе договоров в системе договоров интеллектуальной собственности, предмет которых не имеет своей целью определенным образом распорядиться исключительными правами для обеспечения их использования. В современном динамично развивающемся

обществе любая группа возникающих общественных отношений, так или иначе, связана с процессом управления правами (продажа прав требования по договору, распоряжение долями в уставе общества и другие). Управление правами представляет собой процесс, при котором возникают в результате гражданско-правовых отношений. Для гражданского права характерно использование понятие «обязательство» в двух значениях:

1) как конкретную обязанность стороны по выполнению действий, о которых данная сторона договорилась с иной стороной. Это могут быть различные виды выполнения, такие как оплата суммы денег, передача товаров или оказание услуг.

2) как отдельный вид гражданского правоотношения, порождающий целую совокупность прав и обязанностей. В этом случае, обязательства рождают сложный комплекс прав и обязанностей для сторон, включая их право на исполнение и возможные последствия в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения.

Изучение обязательств является важной задачей для юристов и специалистов в сфере гражданского права. Такое понимание позволяет анализировать и оценивать правовые последствия определенных действий или бездействий сторон, а также защищать интересы клиентов и обеспечивать соблюдение законодательства во время исполнения обязательств [4]. Одним из отраженных в законодательстве договоров, предусматривающих процесс управления правами, является дого-

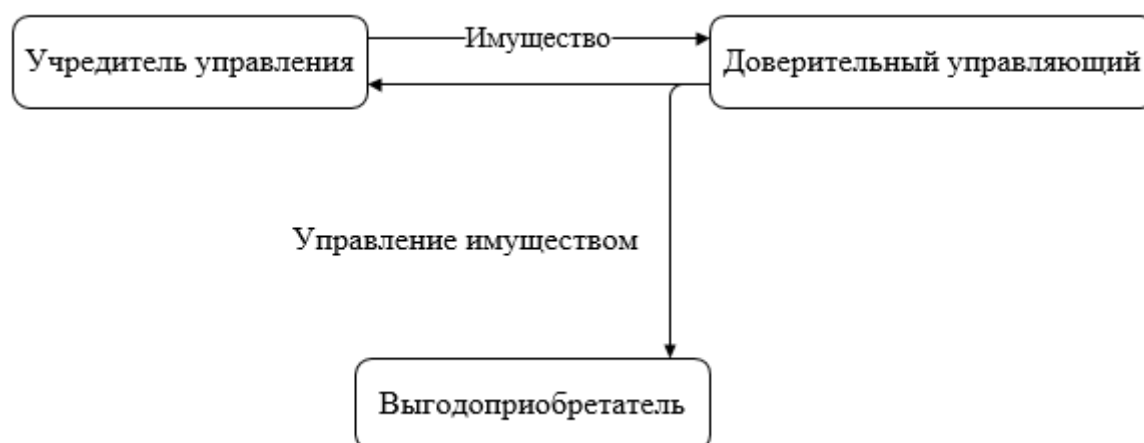
вор доверительного управления имуществом, регулирование которого отражено в главе 53 ГК РФ [1]. В сравнении с иными договорами из перечня гражданско-правовых обязательств рассматриваемый договор наряду с другими имеет ряд особенностей, характерных только для его правовой природы. Вместе с тем, доверительное управление исключительными правами порождает дополнительные особенности ввиду их нематериального характера в отличие от вещных объектов. В целом, обязательства в гражданском праве являются частью построения правовых отношений между различными сторонами. Они определяют область действия и ответственность каждой стороны в рамках заключенного соглашения и обеспечивают его исполнение в соответствии с требованиями закона.

Гражданское законодательство Российской Федерации [5] предусматривает множество способов передачи правомочий по управлению исключительными правами. Например, «управление правом» в контексте исключительного права автора на произведение содержит в себе несколько правомочий:

- распоряжение исключительным правом;
- самостоятельное использование исключительного права;
- действия, направленные на защиту и охрану исключительного права [6].

Суть договора доверительного управления имуществом, согласно статье 1012 Гражданского кодекса Российской Федерации, можно представить на схеме 1.

Схема 1.

Отсутствие надлежащего законодательного регулирования может привести к разным толкованиям и противоречивым мнениям относительно юридической природы договора доверительного управления исключительными правами. Отсутствие ясных и точных положений в законодательстве о данном договоре может затруднять его применение в практической деятельности.

Необходимо отметить, что по одному из мнений договор доверительного управления признается договором оказания услуг, так как его суть заключается в предоставлении услуг распорядителем [7].

В целом, некоторые авторы рассматривают договор доверительного управления как способ использования исключительных прав, в то время как другие видят его как средство распоряжения этими правами [8]. Например, некоторыми исследователями высказывается мнение о правовой природе рассматриваемого договора, заключающейся в передаче и управлении объектом исключительных прав в пользу доверительного управляющего, а некоторыми как о договоре, не имеющем юридического содержания и не являющимся самостоятельной договорной конструкцией [9]. В этом случае исключительные права формально не являются объектом договора, а доверитель управляет ими от своего имени по договору, заключенному на ином основании, например, на основании лицензии или другого аналогичного договора [10]. И все же, независимо от мнений относительно юридической природы договора доверительного управления исключительными правами, следует отметить, что при возникновении споров или разногласий сторонам приходится опираться на общие нормы гражданского права или пытаться адаптировать их к ситуации договора доверительного управления исключительными правами [11].

Законодательная неопределенность создает трудности в определении правовой природы рассматриваемого договора, а, следовательно, в определении правовых норм, применяемых к его регулированию. Для наиболее точного определения правовой природы не только рассматриваемого, но и любого другого договора, необходимо выявить волю сторон при его заключении и определить основные характеризующие признаки, которым отличается

данный договор от подобных ему. В целом, в системе гражданско-правовых обязательств необходимо отразить правовую природу договора, которая, во-первых, до сих пор окончательно не определена, а во-вторых, состоит из большого количества составляющих, что позволяет сделать вывод о слабой степени нормативного регулирования данной договорной конструкцией [12]. Несмотря на стремительное развитие эффективного использования интеллектуальной собственности, включая ее законное использование в интернете, существуют существенные проблемы применения в практической деятельности [13].

Обобщив изложенное, можно сделать следующие выводы.

Существующее на сегодняшний день законодательное регулирование содержит положения, определяющие понятие и характеристики доверительного управления имуществом. Исключительные права названы в качестве одного из возможных объектов такого договора, однако кроме указанного положения, не определены иные правила регулирования общественных отношений по данному договору. Вместе с тем, договор доверительного управления исключительными правами обладает рядом особенностей, отличающих его от договора доверительного управления имуществом. Одно из наиболее значительных отличий – предельный срок действия договора. Другая отличительная особенность – отсутствие факта передачи исключительного права как это характерно для материальных объектов [14]. Исходя из вышеперечисленных особенностей рассматриваемого договора, а также в связи с отсутствием четких законодательных положений по вопросу его регулирования, существует несколько основных подходов к определению правовой природы договора доверительного управления исключительными правами:

- это договор, предусматривающий передачу исключительных прав;
- это несостоятельный договор, так как управление исключительными правами без совокупности с другими имущественными правами невозможно;
- это договор с характером лицензионного договора.

Для цели определения правовой природы договора доверительного управления исклю-

чительными правами его основные характеристики были проанализированы с характеристики смежных для него договоров, на основании чего были выделены отличающие договор особенности:

- управление правами возможно только за счет третьего лица;
- управление может быть осуществлено в отношении любых исключительных прав;
- доверительным управляющим могут быть использованы объекты интеллектуальной собственности, но только в интересах правообладателя.

Пересмотр законодательства поможет учесть новые тенденции и проблемы, которые возникают при заключении таких договоров. В настоящее время, существующие правовые

нормы зачастую не отражают все особенности договора доверительного управления исключительными правами, что может приводить к неопределенности и конфликтам между сторонами. Поэтому, важно разработать новые правила, которые бы устанавливали ясные и понятные критерии для заключения и исполнения таких договоров. В целом, пересмотр законодательства относительно договора доверительного управления исключительными правами является необходимостью в современном мире [15]. Только через создание ясных и справедливых правил, мы можем обеспечить стабильность и развитие интеллектуальной собственности, что в свою очередь способствует созданию инновационной и конкурентоспособной экономики.

Список литературы:

- [1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 29.01.1996, № 5, ст. 410.
- [2] Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. 2: Договоры о передаче имущества. М.: Статут, 2000. С. 608 - 609.
- [3] Барышников М.Ю. Самозащита гражданских прав в сфере международного частного права // Право и управление. 2024. № 1. С. 60-65.
- [4] Барышников М.Ю. Самозащита гражданских прав в сфере международного частного права // Право и управление. 2024. № 1. С. 60-65.
- [5] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 29.01.1996, № 5, ст. 410.
- [6] Самигулина А.В. Актуальные вопросы систематизации и классификации договоров в праве интеллектуальной собственности // Право и экономика. 2021. № 12. С. 52 - 58.
- [7] Бузова Н.В. Договорные отношения с участием исполнителей, изготовителей фонограмм и организаций вещания // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 14. № 5. С. 195.
- [8] Маковский А. Л. О кодификации гражданского права (1922–2006). – М., 2010.
- [9] Барышников М.Ю. Самозащита гражданских прав в сфере международного частного права // Право и управление. 2024. № 1. С. 60-65.
- [10] Нагродская В.Б. Новые технологии (блокчейн / искусственный интеллект) на службе права: научно-методическое пособие / под ред. Л.А. Новоселовой. М.: Проспект, 2019. 128 с.
- [11] Самигулина А.В. Актуальные вопросы систематизации и классификации договоров в праве интеллектуальной собственности // Право и экономика. 2021. № 12. С. 52 - 58.
- [12] Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. 2: Договоры о передаче имущества. М.: Статут, 2000. С. 608 - 609.
- [13] См., например: Гришаев С.П. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая. Постатейный комментарий // СПС КонсультантПлюс, 2022; Кеньшева М.В. Особенности правового регулирования исключительных прав как объектов доверительного управления // В сборнике: частное право в эволюционирующем обществе: традиции и новации. Сборник научных статей Всероссийской научной конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора В.Н. Сусликова. 2019. С. 328-331; Маковский А. Л. О кодифика-

ции гражданского права (1922–2006). – М., 2010.

[14] Нагородская В.Б. Новые технологии (блокчейн / искусственный интеллект) на службе права: научно-методическое пособие / под ред. Л.А. Новоселовой. М.: Проспект, 2019. 128 с.

[15] Дикажев М.М. Общая характеристика мониторинга российского законодательства как элемента правовой политики // Право и управление. 2024. № 1. С. 28-32.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of January 26, 1996, No. 14-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation, January 29, 1996, No. 5, Article 410.

[2] Braginsky, M.I., Vitryansky, V.V. Contract Law. Book 2: Agreements on the Transfer of Property. Moscow: Statut, 2000. pp. 608–609.

[3] Baryshnikov, M.Yu. Self-Defense of Civil Rights in the Sphere of Private International Law // Law and Management. 2024. No. 1. pp. 60–65.

[4] Baryshnikov, M.Yu. Self-Defense of Civil Rights in the Sphere of Private International Law // Law and Management. 2024. No. 1. pp. 60–65. [5] Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of January 26, 1996, No. 14-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation, January 29, 1996, No. 5, Article 410.

[6] Samigulina A.V. Current Issues of Systematization and Classification of Contracts in Intellectual Property Law // Law and Economics. 2021. No. 12. pp. 52-58.

[7] Buzova N.V. Contractual Relationships with the Participation of Performers, Phonogram Producers, and Broadcasting Organizations // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2021. Vol. 14. No. 5. p. 195.

[8] Makovsky A.L. On the Codification of Civil Law (1922–2006). – Moscow, 2010.

[9] Baryshnikov M.Yu. Self-Defense of Civil Rights in the Sphere of Private International Law // Law and Management. 2024. No. 1. pp. 60-65.

[10] Nagrodskaya V.B. New Technologies (Blockchain / Artificial Intelligence) in the Service of Law: Scientific and Methodological Manual / edited by L.A. Novoselova. Moscow: Prospect, 2019. 128 p.

[11] Samigulina A.V. Current Issues of Systematization and Classification of Contracts in Intellectual Property Law // Law and Economics. 2021. No. 12. pp. 52-58.

[12] Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract Law. Book 2: Agreements on the Transfer of Property. Moscow: Statut, 2000. pp. 608-609.

[13] See, for example: Grishaev S.P. Civil Code of the Russian Federation. Part Four. Article-by-Article Commentary // SPS ConsultantPlus, 2022; Kensheva M.V. Features of Legal Regulation of Exclusive Rights as Objects of Trust Management // In the collection: Private Law in an Evolving Society: Traditions and Innovations. Collection of Scientific Articles of the All-Russian Scientific Conference Dedicated to the Memory of Doctor of Law, Professor V.N. Suslikov. 2019. Pp. 328-331; Makovsky A.L. On the Codification of Civil Law (1922–2006). – Moscow, 2010.

[14] Nagrodskaya V.B. New Technologies (Blockchain / Artificial Intelligence) in the Service of Law: Scientific and Methodological Manual / edited by L.A. Novoselova. Moscow: Prospect, 2019. 128 p.

[15] Dikazhev M.M. General Characteristics of Monitoring Russian Legislation as an Element of Legal Policy // Law and Management. 2024. No. 1. P. 28-32.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.05.2024 г.
Дата принятия рукописи к печати: 25.06.2024 г.

DOI: 10.24412/3034-4395-2024-2-51-59

КОНОНОВ Давид Александрович,
кандидат юридических наук,
научный сотрудник НИИ образование и науки,
руководитель практики «Сопровождение процедур банкротства
и антикризисный консалтинг» юридической компании «ЛКП»,
e-mail: mail@law-books.ru

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ОПЕРАТОРА ПОСРЕДНИЧЕСКОЙ ЦИФРОВОЙ ПЛАТФОРМЫ: РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РИСКОВ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Аннотация. В статье исследуется гражданско-правовой статус оператора посреднической цифровой платформы с учётом Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ, основные положения которого вступают в силу 1 октября 2026 г. Платформа рассматривается как многосторонняя договорная среда. Анализируются обязанности по проверке партнёров, изменению правил, расчётам, ранжированию и блокировке. Предлагается модель контролируемого риска и солидарной защиты потребителя при смешанной причинности.

Ключевые слова: платформенная экономика, посредническая цифровая платформа, оператор платформы, маркетплейс, гражданско-правовая ответственность, договор присоединения, алгоритмическое ранжирование, блокировка, распределение рисков

KONONOV David Alexandrovich,
Candidate of Law, researcher at the Research Institute
of Education and Science, head of the practice
"Support of bankruptcy procedures and anti-crisis consulting"
of the law firm "LKP"

CIVIL-LAW STATUS OF AN INTERMEDIARY DIGITAL PLATFORM OPERATOR: RISK ALLOCATION AND LIABILITY

Annotation. The article analyses the civil-law status of an intermediary digital platform operator in light of Federal Law No. 289-FZ of 31 July 2025, whose principal provisions enter into force on 1 October 2026. It treats the platform as a multilateral contractual environment, examines verification, rule changes, payments, ranking and blocking, and proposes a controlled-risk model and joint consumer protection where causation is mixed.

Key words: platform economy, intermediary digital platform, platform operator, marketplace, civil liability, adhesion contract, algorithmic ranking, blocking, risk allocation

Введение

Цифровая платформа перестала быть исключительно техническим каналом, через который независимые лица находят друг друга. Современный оператор определяет архитектуру сделки, допускает продавцов и исполнителей, устанавливает правила размещения

предложений, организует расчёты, ранжирует карточки, применяет санкции и контролирует массив данных о поведении сторон. Экономическая нейтральность такого посредника является юридической фикцией: платформа не обязательно становится продавцом или исполнителем, но создаёт и администрирует среду,

от которой непосредственно зависят заключение и исполнение гражданско-правовых договоров.

Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» впервые формирует комплексную публично-правовую и частноправовую рамку деятельности посреднических цифровых платформ [2]. Его основные положения вступают в силу 1 октября 2026 г. Поэтому на дату настоящего исследования — 1 августа 2026 г. — участники рынка находятся в переходном периоде, когда уже приняты подзаконные правила об отнесении платформ к регулируемой категории, ведении реестра и проверке потенциальных партнёров, но новая система ещё не начала применяться в полном объёме [3; 4; 5].

Цель статьи состоит в определении гражданско-правового статуса оператора посреднической цифровой платформы и разработке модели распределения рисков между оператором, партнёром и пользователем. Используются формально-юридический, системный, функциональный и экономико-правовой методы. Научная новизна выражается в квалификации оператора как организатора многосторонней договорной среды, несущего ответственность не за любой дефект товара или услуги, а за собственные организационные решения и за риски, находящиеся в сфере его исключительного либо преимущественного контроля.

1. Посредническая цифровая платформа как договорная среда

Закон № 289-ФЗ определяет посредническую цифровую платформу через обеспечение взаимодействия оператора, партнёров и пользователей в целях заключения гражданско-правовых договоров, а также через предоставление технической возможности размещать заказы или карточки товаров, работ и услуг, совершать сделки и осуществлять оплату [2]. Такое определение подчёркивает функциональную, а не отраслевую природу платформы: к ней могут относиться маркетплейсы, агрегаторы услуг, сервисы доставки и иные системы, если выполняются установленные законом и Правительством РФ критерии.

Юридическая структура платформенных отношений образуется сетью взаимосвязан-

ных договоров. Оператор заключает соглашение с партнёром о доступе к инфраструктуре и правилах реализации товаров или услуг; пользователь принимает пользовательское соглашение и заказывает исполнение у партнёра; расчёты могут опосредоваться платёжной организацией, логистическим оператором, владельцем пункта выдачи и иными лицами. Формальная множественность договоров не устраняет их функционального единства: экономический результат достигается только при согласованной работе всей платформенной архитектуры.

В доктрине представлены два крайних подхода. Согласно первому, оператор является информационным посредником и не отвечает за содержание заключаемых между пользователями и партнёрами договоров. Согласно второму, фактический контроль платформы требует приравнять её к продавцу или исполнителю по каждой сделке. Оба подхода недостаточны. Первый игнорирует алгоритмическое и договорное влияние оператора; второй возлагает на него риски, которые он не создаёт и не способен контролировать. Необходима функциональная квалификация каждой обязанности [8; 9].

Договоры оператора с партнёрами и пользователями обычно являются договорами присоединения. Их условия стандартизированы, изменяются оператором для неопределённого круга участников и технически внедряются без индивидуального согласования. Поэтому к ним применимы статьи 428, 450.1 и общие начала добросовестности ГК РФ [1]. Цифровая форма акцепта не отменяет судебного контроля явно обременительных условий, особенно когда оператор обладает инфраструктурной властью, а прекращение доступа фактически лишает партнёра существенного канала сбыта.

2. Новая законодательная модель статуса оператора

Законодатель отказался от регулирования любой интернет-площадки и связал специальный режим с включением посреднической цифровой платформы в государственный реестр. Дополнительные критерии отнесения к регулируемой категории утверждены постановлением Правительства РФ от 28 января 2026 г. № 54, а порядок формирования и веде-

ния реестра — постановлением от 30 апреля 2026 г. № 504 [3; 4]. Реестровая модель позволяет сосредоточить повышенные обязанности на системно значимых участниках, однако создаёт риск различий между платформами, сходными по фактическому влиянию, но формально не включёнными в реестр.

Одной из ключевых обязанностей становится проверка сведений о лице, намеренном стать партнёром или владельцем пункта приёма и выдачи заказов. Постановление Правительства РФ от 20 июня 2026 г. № 768 устанавливает перечень проверяемых сведений и порядок принятия решения о прохождении проверки [5]. С гражданско-правовой точки зрения такая верификация означает принятие оператором организационной функции по снижению риска анонимного или фиктивного контрагента. Однако она не должна восприниматься пользователем как безусловная гарантия платёжеспособности, качества и законности каждого товара.

Новый закон регулирует содержание договоров с партнёрами, уведомление об изменении условий, основания применения мер воздействия, размещение информации и отдельные расчётные механизмы [2]. Тем самым статус оператора формируется как совокупность частноправовых и публично-правовых обязанностей. Нарушение административного предписания не всегда автоматически порождает гражданскую ответственность, но может свидетельствовать о противоправности поведения, определять стандарт должной заботливости и облегчать доказательство причинной связи.

Специальное регулирование должно применяться во взаимосвязи с ГК РФ, Законом РФ «О защите прав потребителей», законодательством об информации, рекламе, конкуренции, персональных данных и национальной платёжной системе [1; 6]. Закон № 289-ФЗ не создаёт изолированный «кодекс платформы». Его нормы конкретизируют общий стандарт добросовестности и распределяют отдельные обязанности, тогда как последствия нарушения — убытки, неустойка, отказ от договора, восстановление доступа, пресечение недобросовестных условий — определяются системой гражданского законодательства.

3. Ответственность оператора перед пользователем

Пользователь воспринимает платформу как единое доверительное пространство: входит через брендированный интерфейс, сравнивает предложения по заданным оператором параметрам, оплачивает заказ внутри системы и обращается в платформенную службу поддержки. Поэтому простое указание в пользовательском соглашении на то, что продавцом является партнёр, не исчерпывает вопрос об ответственности. Необходимо установить, какой субъект сформировал конкретное обещание, контролировал соответствующий этап и получил экономическую выгоду от организации процесса.

За качество товара, результат работы и содержание услуги по общему правилу отвечает партнёр, являющийся стороной основного договора. Оператор не должен автоматически возмещать любой недостаток, поскольку это разрушило бы разграничение обязательств и стимулировало бы снижение контроля со стороны непосредственного исполнителя. Однако оператор отвечает за собственные заверения, недостоверное обозначение статуса продавца, ошибки приёма и перечисления платежа, нарушение предусмотренной им процедуры возврата, неправомерное сокрытие информации и технологические сбои, повлиявшие на сделку.

Определяющим предлагается считать критерий контроля риска. Если риск создаётся алгоритмом, интерфейсом, правилами допуска, системой идентификации, расчётным модулем или решением службы поддержки, оператор имеет наибольшие возможности предупредить вред и собрать доказательства. Поэтому именно на него должна возлагаться обязанность доказать надлежащее устройство процесса. Если же дефект возник исключительно при производстве товара или оказании услуги и не мог быть выявлен при разумной платформенной проверке, ответственность несёт партнёр.

Экономическая реальность может свидетельствовать о более глубоком участии оператора. Если платформа устанавливает окончательную цену, принимает товар на собственный склад, определяет упаковку и маркировку, обещает качество от своего имени, не раскрывает пользователю реального продавца

либо фактически подменяет его в претензионной работе, возникает основание для расширенной или солидарной ответственности. Квалификация должна основываться не на названии договора, а на распределении функций и впечатлении, разумно создаваемом у потребителя.

Особого внимания требует алгоритмическое ранжирование. Выдача «лучшего», «проверенного» или «рекомендуемого» предложения может восприниматься как заверение оператора. Если позиция обусловлена платным продвижением, это должно быть ясно раскрыто. Соккрытие коммерческого характера ранжирования способно квалифицироваться как недостоверная информация и недобросовестная практика. Оператор обязан обеспечить прослеживаемость критериев, достаточную для проверки того, не вводил ли интерфейс пользователя в заблуждение [10; 12].

В потребительских отношениях информационная асимметрия особенно велика. Пользователь не располагает данными о верификации партнёра, истории блокировок, жалобах и технических маршрутах платежа. Поэтому при смешанной причинности — когда вред стал следствием нарушения партнёра и дефекта платформенной организации — справедлива солидарная ответственность перед потребителем с последующим регрессным распределением между профессиональными участниками. Потребитель не должен устанавливать внутреннюю архитектуру платформы, чтобы получить эффективную защиту.

4. Ответственность оператора перед партнёром

Партнёр формально является предпринимателем, но в платформенной экосистеме нередко занимает организационно слабое положение. Доступ к аудитории, рейтингу, расчётам и данным зависит от односторонне установленных правил. Массовая стандартизация оправдывает договор присоединения, однако не позволяет оператору произвольно менять экономический баланс, удерживать денежные средства или прекращать доступ без прозрачной процедуры. Судебный контроль должен учитывать не только юридический статус предпринимателя, но и фактическую зависимость от инфраструктуры.

Блокировка карточки, личного кабинета или расчётов является частноправовой мерой оперативного воздействия, а иногда — фактическим односторонним отказом от договора. Её применение допустимо при предусмотренном основании, соразмерности и возможности партнёра узнать причины и представить возражения. Автоматическое решение без объяснения особенно опасно, поскольку может лишить партнёра дохода и повлиять на репутационные показатели. Срочная блокировка оправдана при риске для жизни, здоровья или массового потребителя, но должна сопровождаться последующей проверкой.

Удержание денежных средств требует отдельного правового основания. Оператор не вправе использовать общую формулировку о возможных нарушениях как неограниченное обеспечение всех будущих требований. Размер и срок удержания должны соответствовать вероятному обязательству, а бесспорная часть выручки — перечисляться партнёру. Если платформа совмещает функции агента, расчётного посредника и кредитора, необходимо отдельно учитывать суммы и раскрывать порядок зачёта.

Одностороннее изменение комиссии, логистических тарифов, правил скидок и критериев ранжирования способно существенно изменить экономику договора. Законодательное требование предварительного уведомления имеет материальное значение только при предоставлении реальной возможности адаптироваться или отказаться от договора без несоизмеримых потерь. Формальное размещение новой редакции в интерфейсе без выделения существенных изменений не обеспечивает информированного решения. Для критических условий требуется адресное уведомление и разумный переходный период.

Алгоритмическое изменение видимости товара может причинить упущенную выгоду, однако её доказывание затруднено информационной асимметрией. Все данные о показах, конверсии, причинах снижения рейтинга и экспериментах находятся у оператора. После представления партнёром первичных признаков резкого и необъяснимого изменения бремя раскрытия технически доступных данных должно переходить к платформе. Отказ от раскрытия может служить основанием для небла-

гоприятных доказательственных выводов.

Ответственность оператора перед партнёром должна строиться на принципе профессионального организационного риска. Платформа отвечает за стабильность обещанного функционала, достоверность расчётов, соблюдение собственных процедур и предсказуемое применение правил. Она не обязана гарантировать объём спроса или неизменность рыночной позиции партнёра, если иное прямо не обещано. Такое разграничение предотвращает подмену предпринимательского риска ответственностью инфраструктуры.

5. Платформенные правила как форма частного регулирования

Правила платформы обладают нормативным эффектом для большого числа участников, но не являются источником права. Их обязательность основана на договоре, а пределы определяются императивными нормами, принципами добросовестности и запретом злоупотребления правом. Оператор не может посредством пользовательского соглашения устранить судебную защиту, переложить последствия собственных умышленных действий или придать автоматическому решению значение неопровержимого доказательства.

Односторонняя изменяемость необходима для безопасности и технологического развития, однако должна быть функционально ограничена. Следует различать технические изменения, не влияющие существенно на имущественные интересы, и коммерческие изменения цены доступа, порядка расчётов, ответственности, санкций и ранжирования. Последние требуют повышенной прозрачности, заблаговременного уведомления и возможности прекратить отношения. В долгосрочных отношениях внезапное изменение может оцениваться через статьи 10, 310, 428 и 450.1 ГК РФ [1].

Платформенные санкции должны соответствовать принципу пропорциональности. Нарушение одной карточки товара не всегда оправдывает блокировку всего кабинета; техническая ошибка не равнозначна умышленной продаже запрещённого товара; впервые допущенное незначительное нарушение требует иного ответа, чем систематическое. Градация предупреждений, временных ограничений и

прекращения доступа снижает риск произвольного вмешательства и одновременно повышает дисциплину партнёров.

Внутренняя система разрешения споров является частью надлежащей организации платформы. Она должна обеспечивать идентификацию оспариваемого решения, изложение причин, доступ к относимым данным, срок рассмотрения и участие человека в случаях существенных имущественных последствий. Внутренняя апелляция не заменяет суд и не может быть обязательным непреодолимым барьером, но способна быстро исправлять массовые алгоритмические ошибки и сокращать издержки всех участников.

Правила должны быть доступны в версии, действовавшей на дату спорного события. Оператору следует вести публичный архив редакций и фиксировать момент акцепта, содержание уведомления и фактическое внедрение изменений. Без такой прослеживаемости становится невозможным определить применимое условие и проверить законность санкции. Сохранение версий является не технической любезностью, а элементом доказательственной добросовестности профессионального организатора.

6. Модель распределения гражданско-правовых рисков

Предлагается модель контролируемого риска. Риск должен нести тот профессиональный участник, который создаёт его организационным решением, способен предотвратить с наименьшими издержками и контролирует необходимые доказательства. Для партнёра это качество и законность собственного товара или услуги; для оператора — допуск, интерфейс, идентификация, алгоритм, расчёты, хранение данных и применение платформенных мер; для пользователя — достоверность предоставленных им сведений и соблюдение очевидных правил безопасного поведения.

При пересечении сфер контроля следует применять солидарную ответственность перед потребителем. Например, продажа контрафактного товара может быть нарушением продавца, но повторный допуск ранее заблокированного лица, сокрытие его идентичности или продвижение товара как проверенного свидетельствуют и о дефекте оператора.

Внутреннее распределение производится по степени причинного вклада и контролю риска. Такая конструкция сохраняет доступность защиты и стимулирует профессиональных участников инвестировать в предупреждение нарушений.

Для массовых платформ целесообразны страхование ответственности или компенсационный механизм. Он может покрывать вред в ситуациях, когда партнёр исчез, неплатёжеспособен, зарегистрирован за пределами эффективной юрисдикции, а оператор выполнил минимальные обязанности, но полностью исключить риск не мог. Финансирование должно учитывать оборот и профиль риска, не превращаясь в освобождение платформы от собственной ответственности.

Необходимым условием модели является сохранение данных. Логи операций, основания блокировок, история ранжирования, версии правил, сведения о проверке партнёра и маршруте платежа должны храниться в разумный срок, соотносённый с исковой давностью и требованиями защиты персональных данных. При утрате контролируемого оператором доказательства неопределённость не должна перекладываться на пользователя или партнёра. Возможно установление опровержимой презумпции в пользу лица, лишённого доступа к данным.

Распределение риска должно учитывать и сетевой эффект. Чем сильнее зависимость участников от платформы и чем труднее переход к альтернативной инфраструктуре, тем выше стандарт добросовестности оператора. Доминирование не обязательно устанавливать в антимонопольном смысле для каждого частноправового спора: достаточно оценить фактическую незаменимость канала, длительность отношений, инвестиции партнёра и возможность перенести рейтинг и данные.

7. Направления совершенствования законодательства

Первое направление — закрепление в ГК РФ общей конструкции договора о предоставлении доступа к цифровой платформе. Норма должна определить основные обязанности оператора: обеспечить заявленный функционал, прозрачность правил, сохранность расчётных данных, обоснованность ограничений

и процедуру обжалования. Такой договор может быть смешанным, но общий законодательный тип повысит единообразие квалификации и не позволит сводить сложные отношения к лицензии на программное обеспечение или информационным услугам.

Второе направление — прямое определение гражданско-правовых последствий существенных нарушений закона № 289-ФЗ. Не всякое формальное отступление должно порождать убытки, однако нарушение обязанностей по проверке, уведомлению, расчётам, блокировке и раскрытию информации следует признать противоправностью при наличии причинной связи. Это устранил разрыв между регуляторным требованием и частным иском пострадавшего.

Третье направление — специальные правила о раскрытии платформенных доказательств. Суд должен иметь возможность обязать оператора предоставить логи, версии алгоритмических параметров в относимой части, историю уведомлений и решения внутренней системы. Коммерческая тайна защищается закрытым режимом исследования, но не может служить универсальным основанием отказа. При неисполнении требования допустимы неблагоприятные презумпции.

Четвёртое направление — право на пересмотр существенного автоматизированного решения человеком. Оно должно охватывать блокировку, прекращение доступа, крупное удержание денежных средств и значимое снижение рейтинга, когда решение основано преимущественно на автоматической обработке. Требование не запрещает алгоритмы, а обеспечивает минимальную процессуальную справедливость и возможность исправить неверные данные.

Пятое направление — солидарная ответственность оператора и партнёра перед потребителем, если структура сделки или интерфейс не позволяют ясно определить непосредственного должника либо оператор сформировал самостоятельное доверительное заверение. Профессиональные участники смогут распределить риск регрессом, тогда как потребитель получит понятного и платёжеспособного ответчика. Условие договора, создающее неопределённость, должно толковаться против разработавшего его оператора.

Шестое направление — переносимость деловой репутации и данных партнёра. При прекращении доступа добросовестному партнёру следует предоставить возможность выгрузить собственные карточки, отчёты, документы и подтверждённые показатели, если это не нарушает права пользователей и охраняемые интересы платформы. Такая мера снижает инфраструктурную зависимость и дисциплинирует оператора, не лишая его права защищать технологию и коммерческую тайну.

Заключение

Оператор посреднической цифровой платформы занимает самостоятельное место в системе гражданского оборота. Он не является автоматически стороной каждого договора между партнёром и пользователем, но и не может рассматриваться как нейтральный передатчик информации. Его правовой статус определяется функцией организатора многосторонней договорной среды, устанавливающего правила, управляющего доступом, данными, расчётами и алгоритмической видимостью предложений.

Ответственность оператора должна основываться на критерии контроля риска. Платформа отвечает за собственные заверения и организационные решения, а также за те нарушения партнёра, которые стали возможны или усилились вследствие ненадлежащей верификации, интерфейса, расчётов либо применения правил. В отношениях с партнёром ключевыми являются прозрачность изменений, пропорциональность блокировок, обоснованность удержаний и доступ к доказательствам.

Вступление в силу закона № 289-ФЗ 1 октября 2026 г. станет началом, а не завершением формирования платформенного частного права. Для системной модели необходимы общая договорная конструкция в ГК РФ, частноправовые последствия регуляторных нарушений, раскрытие платформенных данных, пересмотр автоматизированных решений и солидарная защита потребителя при смешанной причинности. Такой подход позволит совместить инновационность платформ с принципами добросовестности, эквивалентности и эффективного восстановления нарушенных гражданских прав.

Список литературы:

- [1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. по состоянию на 1 августа 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
- [2] Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2025. № 31. Ст. 4665.
- [3] Об утверждении дополнительных критериев отнесения цифровой платформы к посреднической цифровой платформе: постановление Правительства РФ от 28 января 2026 г. № 54 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202601290037> (дата обращения: 01.08.2023).
- [4] Об утверждении Правил формирования и ведения реестра посреднических цифровых платформ: постановление Правительства РФ от 30 апреля 2026 г. № 504 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202605060021> (дата обращения: 01.08.2023).
- [5] Об утверждении Правил осуществления проверки оператором посреднической цифровой платформы сведений о лице, имеющем намерение стать партнёром посреднической цифровой платформы или владельцем пункта приёма и выдачи заказов: постановление Правительства РФ от 20 июня 2026 г. № 768 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202606260095> (дата обращения: 01.08.2023).
- [6] О защите прав потребителей: Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 (ред. по состоянию на 1 августа 2026 г.) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 766.
- [7] О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского

кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

[8] Краснова С.А. Гражданско-правовой статус операторов онлайн-платформ: неопределённое настоящее и возможное будущее // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 1. С. 67–82; № 2. С. 76–85.

[9] Жевняк О.В. Цифровые платформы как вид экономических рыночных отношений и отражение этого аспекта в правовом режиме цифровых платформ // Юридические исследования. 2023. № 8. С. 96–127.

[10] Филиппова С.Ю., Харитонова Ю.С. Цифровые платформы в праве и право цифровых платформ: новые вызовы законодателю и пути их решения // Правоведение. 2025. Т. 69. № 1. С. 58–75.

[11] Витязев В.С. Цифровые платформы в гражданском праве: к вопросу о правовой природе и регулировании // Отечественная юриспруденция. 2025. № 3 (56). С. 17–21.

[12] Белов В.А. Цифровое посредничество и потребительские отношения: правовая природа и ответственность // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 8. С. 68–82.

[13] Габов А.В. Цифровая платформа как новое правовое явление // Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 13–82.

[14] Малышева Н.А., Мельник А.С. Платформа — не агрегатор? Перспективы частного правового регулирования цифровой инфраструктуры // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 4. С. 149–153.

[15] Козинец Н.В. Правовое регулирование деятельности маркетплейсов: актуальные проблемы // Закон и власть. 2023. № 1. С. 29–31.

[16] Арнаутов В.Д. Ответственность владельцев цифровых платформ при нарушении договорных обязательств и интеллектуальных прав: постановка научной проблемы // IP: Теория и практика. 2026. № 1 (13). С. 77–89.

[17] Право цифровых платформ: учебник. М.: Юрлитинформ, 2026.

[18] Степанов С.К., Иноземцев М.И. Гражданско-правовая ответственность цифровых платформ // Право цифровых платформ. М.: Юрлитинформ, 2026. С. 257–289.

[19] Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202507310020> (дата обращения: 01.08.2023).

[20] Право цифровых платформ [Электронный ресурс] // Публикации НИУ ВШЭ. URL: <https://publications.hse.ru/books/1173612865> (дата обращения: 01.08.2023).

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994, No. 51-FZ (as amended on August 1, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Article 3301.

[2] On Certain Issues of Regulating the Platform Economy in the Russian Federation: Federal Law of July 31, 2025, No. 289-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2025. No. 31. Article 4665.

[3] On Approval of Additional Criteria for Classifying a Digital Platform as an Intermediary Digital Platform: Resolution of the Government of the Russian Federation of January 28, 2026, No. 54 [Electronic Resource] // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202601290037> (accessed: 01.08.2023).

[4] On approval of the Rules for the formation and maintenance of the register of intermediary digital platforms: Resolution of the Government of the Russian Federation of April 30, 2026 No. 504 [Electronic resource] // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202605060021> (accessed: 01.08.2023).

[5] *On approval of the Rules for the verification by the operator of an intermediary digital platform of information about a person intending to become a partner of an intermediary digital platform or the owner of an order acceptance and delivery point: Resolution of the Government of the Russian Federation of June 20, 2026 No. 768 [Electronic resource] // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202606260095> (date of access: 01.08.2023).*

[6] *On the protection of consumer rights: Law of the Russian Federation of February 7, 1992 No. 2300-1 (as amended on August 1, 2026) // Vedomosti SND i VS RF. 1992. No. 15. Art. 766.*

[7] *On the application by courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015, No. 25 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. No. 8.*

[8] *Krasnova S.A. Civil-legal status of online platform operators: uncertain present and possible future // Property Relations in the Russian Federation. 2022. No. 1. pp. 67–82; No. 2. pp. 76–85.*

[9] *Zhevnyak O.V. Digital platforms as a type of economic market relations and reflection of this aspect in the legal regime of digital platforms // Legal research. 2023. No. 8. pp. 96–127.*

[10] *Filippova S.Yu., Kharitonova Yu.S. Digital Platforms in Law and the Law of Digital Platforms: New Challenges for Legislators and Ways to Address Them // Jurisprudence. 2025. Vol. 69. No. 1. pp. 58–75.*

[11] *Vityazev V.S. Digital Platforms in Civil Law: On the Issue of Legal Nature and Regulation // Domestic Jurisprudence. 2025. No. 3 (56). pp. 17–21.*

[12] *Belov V.A. Digital Mediation and Consumer Relations: Legal Nature and Liability // Actual Problems of Russian Law. 2022. Vol. 17. No. 8. pp. 68–82.*

[13] *Gabov A.V. Digital Platform as a New Legal Phenomenon // Perm Legal Almanac. 2021. No. 4. pp. 13–82.*

[14] *Malysheva N.A., Melnik A.S. Platform — not an aggregator? Prospects for private-law regulation of digital infrastructure // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4. pp. 149–153.*

[15] *Kozinets N.V. Legal regulation of marketplace activities: current issues // Law and Power. 2023. No. 1. pp. 29–31.*

[16] *Arnautov V.D. Liability of digital platform owners for breach of contractual obligations and intellectual property rights: formulation of the scientific problem // IP: Theory and Practice. 2026. No. 1 (13). pp. 77–89.*

[17] *Law of digital platforms: textbook. Moscow: Yurlitinform, 2026.*

[18] *Stepanov S.K., Inozemtsev M.I. Civil Liability of Digital Platforms // Law of Digital Platforms. Moscow: Yurlitinform, 2026. pp. 257–289.*

[19] *Federal Law of July 31, 2025 No. 289-FZ [Electronic resource] // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202507310020> (accessed: 01.08.2023).*

[20] *Law of Digital Platforms [Electronic resource] // Publications of the National Research University Higher School of Economics. URL: <https://publications.hse.ru/books/1173612865> (accessed: 01.08.2023).*

САНГАДЖИЕВ Б.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой международного и конституционного права
Университета юстиции (РПА) Минюста России,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРЕДДОГОВОРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: СТАНДАРТ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ И ЗАЩИТА ПЕРЕГОВОРНОГО ДОВЕРИЯ

Аннотация. В статье исследуется правовая природа преддоговорной ответственности, закреплённой статьёй 434.1 ГК РФ. Определяются критерии фиктивных переговоров, информационной недобросовестности и внезапного прекращения переговоров. Разграничиваются отрицательный и положительный договорные интересы, анализируются утрата альтернативной сделки, распределение бремени доказывания и электронные доказательства. Обосновывается модель охраняемого переговорного доверия, позволяющая совместить свободу договора с возмещением предвидимых потерь контрагента.

Ключевые слова: преддоговорная ответственность, *culpa in contrahendo*, переговоры, добросовестность, доверие, убытки, отрицательный договорный интерес, свобода договора, бремя доказывания.

SANGADZHIEV B.V.,
Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of International and Constitutional Law
at the University of Justice (RPA) of the Ministry
of Justice of the Russian Federation

PRE-CONTRACTUAL LIABILITY IN RUSSIAN CIVIL LAW: GOOD-FAITH STANDARD AND PROTECTION OF NEGOTIATION RELIANCE

Annotation. The article examines pre-contractual liability under Article 434.1 of the Russian Civil Code. It identifies criteria for sham negotiations, information misconduct and unjustified termination, distinguishes negative and positive contractual interests, analyses lost alternative transactions and evidence, and proposes a protected negotiation reliance model reconciling freedom of contract with compensation for foreseeable reliance losses.

Key words: pre-contractual liability, *culpa in contrahendo*, negotiations, good faith, reliance, damages, negative interest, freedom of contract, burden of proof.

Введение

Свобода договора предполагает возможность самостоятельно решать, вступать ли в договорные отношения, выбирать контрагента и прекращать переговоры до достижения окончательного соглашения. Однако современный гражданский оборот не допускает понимания этой свободы как права безразлично относиться к интересам другой сторо-

ны. Переговоры нередко требуют проведения правового и финансового аудита, привлечения консультантов, резервирования финансирования, отказа от альтернативных сделок и раскрытия конфиденциальной информации. Поэтому недобросовестное создание у контрагента обоснованной уверенности в заключении договора способно причинить самостоятельные имущественные потери ещё до

возникновения договорного обязательства.

Российский законодатель закрепил общую конструкцию преддоговорной ответственности в статье 434.1 Гражданского кодекса Российской Федерации. Участники переговоров обязаны действовать добросовестно, в частности не вступать в переговоры и не продолжать их при заведомом отсутствии намерения достичь соглашения, не предоставлять неполную или недостоверную информацию и не прекращать переговоры внезапно и неоправданно при обстоятельствах, в которых другая сторона не могла разумно ожидать такого прекращения [1]. Вместе с тем открытый характер нормативных формулировок оставляет судам значительный объём усмотрения и порождает неоднородность квалификации сходных ситуаций.

Цель настоящего исследования состоит в определении юридической природы преддоговорной ответственности, критериев недобросовестного поведения и пределов возмещения убытков. Методологическую основу составляют формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и экономико-правовой методы. Научная новизна выражается в предложении модели охраняемого переговорного доверия: ответственность должна зависеть не от самого факта отказа от договора, а от того, создала ли сторона своим поведением разумную и предвидимую уверенность в достижении сделки и могла ли предотвратить вызванные этой уверенностью расходы другой стороны.

1. Правовая природа преддоговорного правоотношения

До включения статьи 434.1 в ГК РФ российская доктрина объясняла последствия недобросовестных переговоров посредством общих норм о причинении вреда, злоупотреблении правом, недействительности сделок либо неосновательном обогащении. Каждая из этих моделей охватывала только отдельные проявления *culpa in contrahendo*. Деликтная конструкция требовала установить нарушение абсолютного права; злоупотребление правом предполагало наличие осуществляемого субъективного права; правила о недействительности применимы лишь при совершённой сделке. Между тем вред перего-

ворному доверию возникает в особой организационной связи, в которой стороны ещё не связаны договором, но уже обязаны учитывать созданные ими риски [7; 8].

Преддоговорное правоотношение следует рассматривать как охранительно-организационную относительную связь. Её содержание составляют обязанности не вводить контрагента в заблуждение относительно намерения заключить договор, сообщать сведения, имеющие существенное значение для решения о сделке, сохранять полученную конфиденциальную информацию и не разрушать без достаточных оснований сформированное переговорное доверие. Эти обязанности возникают непосредственно из закона и принципа добросовестности, а не из предполагаемого будущего договора. Следовательно, их нарушение образует самостоятельное основание гражданско-правовой ответственности [2; 3].

Квалификация ответственности как самостоятельной преддоговорной, а не договорной или деликтной, имеет практическое значение. Во-первых, потерпевшему не требуется доказывать наличие заключённого договора. Во-вторых, объём возмещения ориентирован преимущественно на восстановление положения, существовавшего до вступления в недобросовестные переговоры, а не на предоставление выгоды от несостоявшейся сделки. В-третьих, оценивается специальный стандарт поведения участника переговоров, учитывающий их стадию, профессиональный статус сторон и распределение информационных возможностей.

Преддоговорную ответственность необходимо отличать от ответственности по предварительному договору. При предварительном договоре уже существует договорное обязательство заключить основной договор на согласованных условиях, и уклонение влечёт предусмотренные статьёй 429 ГК РФ последствия. В переговорах такой обязанности, как правило, нет. Не тождественно переговорам и соглашение о порядке их ведения: оно может установить сроки, распределить расходы, закрепить конфиденциальность, эксклюзивность, порядок *due diligence* и компенсацию затрат, но не превращает всякое прекращение диалога в нарушение обязанности заключить договор [4].

2. Критерии недобросовестного поведения в переговорах

Статья 434.1 ГК РФ формулирует примерный, а не исчерпывающий перечень недобросовестных действий. Ключевое значение имеет общая оценка поведения с точки зрения разумных ожиданий добросовестного участника оборота. Недобросовестность не должна выводиться только из неблагоприятного результата переговоров. Сторона вправе изменить коммерческую стратегию, не согласиться с ценой, отказаться от риска или выбрать более выгодное предложение. Ответственность возникает тогда, когда способ осуществления этой свободы противоречит ранее созданному поведением стороны доверию либо используется для извлечения информации и иных преимуществ без реального намерения заключить сделку.

Первая прямо названная законом форма — вступление в переговоры или их продолжение при заведомом отсутствии намерения достичь соглашения. Заведомость характеризует внутреннее состояние лица, поэтому обычно устанавливается по совокупности косвенных доказательств: одновременное использование переговоров для давления на третьего контрагента; запрос коммерчески чувствительной информации, не связанной с обсуждаемой сделкой; отсутствие полномочий и отказ инициировать корпоративное одобрение; заранее принятое решение заключить договор с иным лицом; намеренное затягивание процесса до истечения выгодного для другой стороны срока.

Вторая форма связана с предоставлением неполной или недостоверной информации, включая умолчание об обстоятельствах, которые в силу характера договора должны быть доведены до сведения контрагента. Обязанность раскрытия не означает общего долга сообщать все сведения о собственном бизнесе. Она возникает применительно к фактам, которые сторона знает или должна знать, которые существенно влияют на решение о договоре и которые другая сторона не может разумно установить самостоятельно. Особенно высокий стандарт оправдан при профессиональном превосходстве, сложном объекте сделки и проведении *due diligence*.

Третья форма — внезапное и неоправданное прекращение переговоров. Её оценка невозможна без учёта стадии переговорного процесса. На начальной стадии стороны только выясняют взаимный интерес, и свобода выхода максимально широка. По мере согласования существенных условий, обмена проектами, получения корпоративных одобрений, объявления о сделке или допуска к исполнению ожидания контрагента становятся более определёнными. Поэтому одинаковое сообщение об отказе может быть правомерным в начале переговоров и недобросовестным непосредственно перед подписанием документа.

Предлагается использовать пять взаимосвязанных критериев: объективную интенсивность переговоров; конкретность согласованных условий; объём расходов, совершённых с ведома другой стороны; наличие заверений о высокой вероятности сделки; объяснимость и своевременность причины отказа. Ни один критерий не является достаточным сам по себе. Их совокупность позволяет отделить обычный коммерческий риск от недобросовестного переноса на контрагента последствий собственного поведения. При этом профессиональные участники должны оцениваться строже, поскольку способны лучше прогнозировать юридические и экономические результаты создаваемых ими ожиданий.

3. Внезапное прекращение переговоров: пределы свободы отказа

Право прекратить переговоры сохраняется до заключения договора. Иное решение фактически заменило бы добровольное согласие судебным понуждением и подорвало бы свободу договора. Поэтому сама по себе продолжительность переговоров, согласование большинства условий или подготовка финального проекта не создают обязанности совершить сделку. Преддоговорная ответственность не охраняет ожидание договорной прибыли как таковое; она охраняет доверие к добросовестному способу ведения переговоров.

Неоправданность прекращения следует понимать не как отсутствие любой экономической причины, а как несоответствие причины и способа отказа сформированному уровню доверия. Изменение законодательства, отказ

банка в финансировании, выявление существенных рисков объекта, запрет антимонопольного органа или изменение корпоративного решения могут оправдать выход. Однако даже при наличии причины сторона обязана своевременно уведомить контрагента и не побуждать его продолжать расходы после того, как невозможность сделки стала очевидной.

В коммерческой практике широко используются формулы «subject to contract», «не является офертой», «подлежит корпоративному одобрению». Они имеют существенное доказательственное значение, но не предоставляют абсолютного иммунитета. Если дальнейшее поведение фактически опровергает оговорку — например, сторона даёт указание начать подготовительные работы, публично объявляет о достигнутом соглашении либо подтверждает устранение всех препятствий, — ссылка на предварительный характер документов может быть признана недобросовестной. Юридическая оценка должна исходить из всей коммуникации, а не из одной стандартной фразы.

Для правоприменения полезно выделить «точку повышенного переговорного доверия». Она наступает, когда разумный участник с учётом заявлений и поведения контрагента вправе считать, что основные коммерческие и юридические параметры согласованы, а отказ возможен лишь при наступлении обозначенных препятствий. После этой точки сторона не утрачивает свободу отказа, но принимает на себя повышенную обязанность объяснить причину, предупредить без промедления и компенсировать разумные затраты, вызванные созданной ею уверенностью. Такой подход сохраняет автономию воли и одновременно дисциплинирует переговорный процесс.

4. Состав и пределы возмещаемых убытков

Основная функция преддоговорной ответственности состоит в возмещении отрицательного договорного интереса. Потерпевший должен быть поставлен в положение, в котором находился бы, если бы не вступил в недобросовестные переговоры. К реальному ущербу могут относиться расходы на юридических, финансовых и технических консультантов, поездки, оценку имущества, подготов-

ку документации, резервирование ресурсов, получение разрешений и иные разумные затраты, причинно связанные с поведением нарушителя [1; 7]. Необходимость и размер расходов подтверждаются договорами, актами, платёжными документами и содержанием переговорной переписки.

Возмещению подлежат не любые понесённые в период переговоров затраты. Обычные расходы на поиск контрагентов и первичный анализ предложений входят в предпринимательский риск, если иное не следовало из соглашения сторон. Компенсация оправдана, когда затраты были специфичны для конкретной сделки, совершались после создания обоснованного доверия либо прямо запрашивались другой стороной. Суд должен проверять разумность суммы и возможность её уменьшения потерпевшим после появления признаков неопределённости.

Наиболее сложен вопрос об упущенной выгоде вследствие утраты альтернативной сделки. Статья 434.1 ГК РФ прямо указывает на возможность возмещения убытков, вызванных утратой возможности заключить договор с третьим лицом. Это не положительный интерес от несостоявшегося договора с нарушителем, а стоимость реально упущенной альтернативы. Для взыскания необходимо доказать достаточную определённость такой альтернативы: наличие конкретного предложения, готовность третьего лица совершить сделку, сопоставимость условий и причинную связь между отказом от неё и доверительным поведением ответчика.

Положительный договорный интерес — прибыль, которую истец получил бы при исполнении не заключённого договора, — по общему правилу возмещаться не должен. Иначе суд фактически признаёт договор существующим и предоставляет стороне результат, на который контрагент не выразил окончательного согласия. Исключение возможно лишь там, где закон или уже заключённое соглашение прямо возлагает обязанность совершить основной договор, например при предварительном договоре. В классической ситуации *culpa in contrahendo* пределом служит восстановление до-переговорного положения.

Доказательственный стандарт не должен делать защиту иллюзорной. Упущенная аль-

тернативная возможность по природе вероятна, поэтому требование абсолютной достоверности противоречит существу убытков. Достаточно установить, что заключение альтернативного договора было высоковероятным и сорвалось именно вследствие разумной опоры на заверения ответчика. Размер может определяться с разумной степенью достоверности по правилам статьи 393 ГК РФ и разъяснениям Верховного Суда РФ [3].

Стороны вправе заранее согласовать распределение переговорных расходов, компенсационную выплату или *break-up fee*. Такая оговорка снижает неопределённость, но подлежит контролю на предмет добросовестности, соразмерности и запрета обхода императивных норм. Платёж не должен превращаться в скрытое понуждение к заключению договора или освобождать от ответственности за умышленное введение в заблуждение. Вместе с тем между профессиональными участниками разумная фиксированная компенсация может рассматриваться как допустимая оценка риска прекращения переговоров.

5. Бремя доказывания и доказательственные стандарты

Истец обязан доказать факт переговоров, конкретное поведение ответчика, возникновение убытков и причинную связь. Однако требование доказать внутреннее намерение контрагента прямыми доказательствами практически невыполнимо. Поэтому после представления совокупности объективных признаков отсутствия реального интереса или сокрытия существенной информации бремя объяснения должно переходить к ответчику. Такая динамическая модель соответствует принципу добросовестности и учитывает, что сведения о причинах отказа находятся преимущественно в сфере контроля нарушителя.

Центральную роль играют электронные доказательства: электронная почта, сообщения в корпоративных системах и мессенджерах, версии документов, протоколы видеоконференций, данные виртуальных комнат, журналы доступа и метаданные файлов. Организациям целесообразно устанавливать внутренний режим хранения переговорной переписки, фиксировать полномочия представителей и документировать ключевые реше-

ния. Удаление или выборочное представление контролируемых стороной данных может оцениваться судом против неё, особенно когда обязанность хранения вытекала из обычной деловой практики.

Следует различать жёсткую переговорную позицию и недобросовестность. Стремление снизить цену, изменить гарантии, затягивание согласования в пределах разумного срока или параллельные переговоры с несколькими лицами сами по себе правомерны. Нарушение возникает, когда сторона скрывает принципиальные препятствия, использует ложные заверения, требует необратимых расходов без достаточной необходимости либо сохраняет у контрагента уверенность после принятия окончательного решения об отказе.

Для снижения судебных рисков полезен переговорный комплаенс. Он включает письменное обозначение предварительного характера документов, перечень условий, без которых сделка не состоится, сроки принятия корпоративных решений, порядок раскрытия информации, лимиты согласуемых расходов и обязанность незамедлительно сообщать о препятствиях. Такой комплаенс не исключает ответственность автоматически, но формирует прозрачный доказательственный след и препятствует возникновению необоснованных ожиданий.

6. Совершенствование законодательства и договорной практики

Статья 434.1 ГК РФ нуждается не в закрытом перечне нарушений, а в нормативных ориентирах оценки переговорного доверия. Целесообразно дополнить её указанием на стадию переговоров, степень согласования условий, характер заверений, объём известных стороне затрат контрагента и наличие своевременно раскрытой причины отказа. Такие критерии сохраняют гибкость нормы и одновременно повысят предсказуемость судебных решений.

Необходимо яснее разграничить преддоговорную ответственность, ответственность за недостоверные заверения об обстоятельствах, обман и нарушение конфиденциальности. Одно поведение может образовывать несколько составов, однако двойное возмещение одних и тех же потерь недопустимо. Суд должен определять непосредственный источник обя-

занности и выбирать правовой режим, наиболее точно отражающий характер нарушения. Если договор заключён под влиянием ложной информации, приоритет могут иметь статьи 431.2, 178 или 179 ГК РФ; если сделка не состоялась — статья 434.1.

Соглашение о порядке ведения переговоров следует активнее использовать как инструмент частного регулирования. В нём целесообразно фиксировать цели переговоров, отсутствие обязанности заключить договор, режим эксклюзивности, перечень раскрываемых сведений, распределение расходов, предельные суммы специальных затрат, процедуру выхода и последствия нарушения. Особенно важно определить, какие заявления являются заверениями, а какие — лишь предварительными прогнозами.

На практике критические ожидания должны подтверждаться письменно. Сторона, намеренная понести значительные расходы или отказаться от альтернативной сделки, разумно поступает, запрашивая подтверждение стадии переговоров и условий, которые ещё требуют согласования. Контрагент, в свою очередь, обязан корректно обозначить неопределённость. Такая взаимная обязанность по управлению риском не переносит ответственность на потерпевшего, но препятствует искусственному накоплению убытков и соответствует требованию минимизации потерь.

Предлагаемая модель охраняемого переговорного доверия может быть сформулирована следующим образом: участник переговоров отвечает за те разумные и предвидимые потери, которые другая сторона понесла, полагаясь на созданное им представление о реальности и стадии будущей сделки, если нарушитель знал или должен был знать об этой опоре и

не принял доступных мер для своевременного устранения ошибочного ожидания. Эта формула объединяет добросовестность, причинность и предвидимость и исключает ответственность за обычный риск несостоявшейся сделки.

Заключение

Преддоговорная ответственность является самостоятельным институтом гражданского права, охраняющим не право на заключение договора, а доверие к добросовестному переговорному поведению. Её основанием служит нарушение установленных законом организационно-охранительных обязанностей: не вести фиктивные переговоры, раскрывать существенную информацию, не создавать ложную уверенность и своевременно сообщать о прекращении процесса.

Правомерность отказа зависит от совокупности обстоятельств, прежде всего от стадии переговоров, содержания заверений, объёма согласованных условий, известных стороне затрат и своевременности объяснения причин. Для возмещения характерен отрицательный договорный интерес, включая разумные специальные расходы и доказанную утрату конкретной альтернативной сделки. Прибыль от не заключённого договора по общему правилу взысканию не подлежит.

Совершенствование правоприменения требует динамического распределения бремени доказывания, полноценной оценки электронных доказательств и развития переговорного комплаенса. Модель охраняемого переговорного доверия позволяет совместить свободу договора с ответственностью за управляемые риски, которые участник оборота создаёт для контрагента собственными заявлениями и поведением.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. по состоянию на 1 августа 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[2] О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

[3] О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: постановление Пленума Верховного

го Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5.

[4] О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

[5] Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. 3-е изд., стер. М.: Статут, 2011. 847 с.

[6] Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и её пределы: в 2 т. Т. 1: Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений. М.: Статут, 2012. 452 с.

[7] Гнищевич К.В. Преддоговорная ответственность в российском гражданском праве // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 3. С. 31–41.

[8] Гнищевич К.В. Доктрина *culpa in contrahendo* в немецкой цивилистике второй половины XIX века // *Diritto e Storia*. 2008. № 7. URL: <https://www.dirittoestoria.it/7/Tradizione-Romana/Gnitsevich-Culpa-in-contrahendo.htm> (дата обращения: 01.08.2023).

[9] Данилова Е.С. Новеллы Гражданского кодекса Российской Федерации о преддоговорной ответственности // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 2. С. 120–124.

[10] Попов Ю.Ю. Преддоговорная ответственность: анализ статьи 434.1 ГК РФ. 2019.

[11] Иеринг Р. *Culpa in contrahendo*, или Возмещение убытков при недействительности или незаключённости договоров // Вестник гражданского права. 2013. № 3. С. 190–266.

[12] Усачева К.А. О единстве концепции преддоговорной ответственности при определении стандарта поведения сторон на преддоговорном этапе (части 1, 2) // Вестник гражданского права. 2025. № 5; № 6.

[13] Карапетов А.Г. Экономический анализ права. М.: Статут, 2016. 528 с.

[14] Сарбаи С.В. Исполнение договорного обязательства. М.: Статут, 2005. 636 с.

[15] Садилов О.Н. Недействительные и несостоявшиеся сделки // Юридический мир. 2000. № 6. С. 7–11.

[16] Тузов Д.О. Концепция «несуществования» в теории юридической сделки. Томск: Пеленг, 2006. 218 с.

[17] Преддоговорная ответственность в сделках M&A по российскому праву: общие положения [Электронный ресурс] // *Stellar Intell*. URL: https://stellarintell.com/overview_pre-contractual_liability_part1/ (дата обращения: 01.08.2023).

[18] Преддоговорная ответственность [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/preddogovornaya_otvetstvennost/ (дата обращения: 01.08.2023).

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994, No. 51-FZ (as amended on August 1, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Article 3301.

[2] On the application by courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015, No. 25 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. No. 8.

[3] On the application by courts of certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for breach of obligations: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 24, 2016, No. 7 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2016. No. 5.

[4] On Certain Issues of the Application of General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the Conclusion and Interpretation of Contracts: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 25, 2018 No. 49 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2019. No. 2.

- [5] Braginsky, M.I., Vitryansky, V.V. *Contract Law. Book One: General Provisions*. 3rd ed., reprinted. Moscow: Statut, 2011. 847 p.
- [6] Karapetyan, A.G., Savelyev, A.I. *Freedom of Contract and Its Limits: in 2 volumes. Vol. 1: Theoretical, Historical, and Political-Legal Foundations of the Principle of Freedom of Contract and Its Limitations*. Moscow: Statut, 2012. 452 p.
- [7] Gnitsevich, K.V. *Pre-contractual Liability in Russian Civil Law* // *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. 2009. No. 3. pp. 31–41.
- [8] Gnitsevich K.V. *The Doctrine of Culpa in Contrahendo in German Civil Law of the Second Half of the 19th Century* // *Diritto e Storia*. 2008. No. 7. URL: <https://www.dirittoestoria.it/7/Tradizione-Romana/Gnitsevich-Culpa-in-contrahendo.htm> (date accessed: 01.08.2023).
- [9] Danilova E.S. *Novels of the Civil Code of the Russian Federation on Pre-contractual Liability* // *Current Issues of Russian Law*. 2016. No. 2. pp. 120–124.
- [10] Popov Yu.Yu. *Pre-contractual Liability: An Analysis of Article 434.1 of the Civil Code of the Russian Federation*. 2019.
- [11] Ihering R. *Culpa in contrahendo, or Compensation for Damages Due to Invalidity or Non-Conclusion of Contracts* // *Civil Law Bulletin*. 2013. No. 3. pp. 190–266.
- [12] Usacheva K. A. *On the Unity of the Concept of Pre-contractual Liability in Determining the Standard of Conduct of the Parties at the Pre-contractual Stage (Parts 1, 2)* // *Civil Law Bulletin*. 2025. No. 5; No. 6.
- [13] Karapetyan A. G. *Economic Analysis of Law*. Moscow: Statut, 2016. 528 p.
- [14] Sarbash S. V. *Performance of a Contractual Obligation*. Moscow: Statut, 2005. 636 p.
- [15] Sadikov O. N. *Invalid and Failed Transactions* // *Legal World*. 2000. No. 6. pp. 7–11.
- [16] Tuzov, D.O. *The Concept of “Non-Existence” in the Theory of Legal Transactions*. Tomsk: Peleng, 2006. 218 p.
- [17] *Pre-Contractual Liability in M&A Transactions under Russian Law: General Provisions* [Electronic Resource] // *Stellar Intell*. URL: https://stellarintell.com/overview_pre-contractual_liability_part1/ (accessed: 01.08.2023).
- [18] *Pre-Contractual Liability* [Electronic Resource] // *ConsultantPlus*. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/preddogovornaya_otvetstvennost/ (accessed: 01.08.2023).

